
НИ ОДНА КАМЕРА НЕ ВИДЕЛА
ИГНАТ ЧЕРЕМИС

Игнат Черемис

Ни одна камера не видела

«Автор»
2026

Черемис И.

Ни одна камера не видела / И. Черемис — «Автор», 2026

Во дворе нового жилого комплекса находят погибшего председателя совета жильцов Виктора Арсеньева. Ни одна камера не сохранила запись, хотя жильцы исправно платили за наблюдение. Судебный медик Анна Ладина видит на одежде следы сухого отапливаемого помещения и понимает: тело перенесли.Главный свидетель врёт, сын погибшего публично назначает виновного, а управляющая компания торопится выдать смерть за несчастный случай. Ошибка в первом заключении ставит под угрозу лицензию самой Анны. Чтобы восстановить ночь без видео, ей придётся связать пыль, соль, грузовой лифт, чужой ключ и старый денежный долг — и открыто исправить собственный вывод прежде, чем он сломает чужую жизнь.«Ни одна камера не видела» — современный детектив о цене поспешного обвинения, проверяемых доказательствах и праве на ошибку, которое существует только вместе с обязанностью её признать.

© Черемис И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

От автора 5
Глава 1. Двор без записи 6
Глава 2. След от сухого пола 13
Глава 3. Возвращение Ладиной 22
Глава 4. Сын, который не ждёт 31
Глава 5. Семь минут консьержа 39
Глава 6. Камеры для договора 46
Глава 7. Ключ-карта без двери 53
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Игнат Черемис
Ни одна камера не видела

От автора

Камера кажется беспристрастным свидетелем, пока не выясняется, что она ничего не записывала. Тогда людям приходится снова смотреть на то, что осталось рядом: пыль на одежде, соль на подошве, движение лифта, чужую подпись и собственную поспешность.

Это детектив о цене уверенного вывода. Его герои ошибаются, скрывают постыдное и пытаются опередить проверку, но ни одна ложь не обязана вести к убийству, а ни одна профессиональная должность не даёт права объявлять догадку фактом. Все главные ключи появляются до развязки. Их значение открывается постепенно — так же, как в настоящей работе, где важен не только ответ, но и честный путь к нему.

Глава 1. Двор без записи

Телефон зазвонил в тот час, когда город ещё не решил, наступило утро или ночь просто стала серой. Анна Ладина нащупала аппарат на полу возле матраса, задела коробку с книгами и услышала, как внутри перекатился стеклянный стакан. В квартире стоял запах свежей краски и чужого жилья. За неделю она успела разобрать только чемодан, поставить чайник и приклеить к почтовому ящику бумажку со своей фамилией.

— Ладина, — сказала она.

— Доброе утро, Анна Сергеевна. Дежурный следователь Котов. У нас тело во дворе на Полярной, двадцать восемь. Нужен выезд.

Она посмотрела на часы. Пять сорок семь.

— На улице?

— Между четвёртым подъездом и детской площадкой. Мужчина. Документы при нём. Патруль считает, что упал, но там сын погибшего уже требует убийцу и начальство. Машина будет через десять минут.

— Не трогайте тело и снег вокруг. Накройте ширмой от жильцов, не плёнкой.

— Там уже человек сорок в окнах.

— Окна снег не затопчут.

Анна сбросила вызов, умылась холодной водой и оделась не включая верхний свет. Профессиональная привычка проснулась раньше её самой: второй свитер, запасные перчатки, бумажные пакеты, фонарь, рулетка. За окном редкие машины раздвигали мокрую темноту. Родной город за пятнадцать лет стал выше, плотнее и как будто менее знакомым. Старые пятиэтажки остались, но между ними выросли башни с названиями, обещавшими север, простор и тишину.

Служебная «Нива» ждала у подъезда. За рулём сидел молодой криминалист в вязаной шапке, представившийся Павлом Руденко. Он убрал с пассажирского сиденья пластиковый чемодан.

— Простите за тесноту. В багажнике генератор и ширмы.

— Ширмы уже поставили?

— Одну. Вторую ветром валит. Дом новый, а двор будто аэродинамическую трубу проектировали.

По дороге Павел говорил быстро, стараясь перекричать печку. Погибшего звали Виктор Арсеньев, шестьдесят два года. Жил в четвёртом подъезде, был председателем совета жильцов, спорил с управляющей компанией из-за тарифа и недоделок. Нашла его женщина, выгуливавшая собаку. Она увидела человека у скамейки примерно в пять двадцать и позвонила в службу спасения. Приехавшая бригада констатировала смерть.

— Снег шёл? — спросила Анна.

— С полуночи, мелкий. После четырёх усилился. Диспетчер говорит, камеры должны смотреть на весь двор. Следователь радуется: думал, всё кино получим.

— Почему «думал»?

Павел бросил на неё короткий взгляд.

— Консьерж сказал, экран в холле чёрный уже третью неделю. Но это пока со слов.

Жилой комплекс «Северный двор» состоял из четырёх бело-серых корпусов, поставленных почти замкнутым квадратом. Во въезде мигала оранжевая лампа шлагбаума. На фасадах через равные промежутки чернели полусферы камер. Их было так много, что двор казался не охраняемым, а подозреваемым.

У четвёртого подъезда стояли две полицейские машины и скорая. За красно-белой лентой собрались жильцы: кто в куртке поверх пижамы, кто с телефоном перед лицом. На балконах тоже светились экраны. Ширма у детской площадки дрожала под ветром.

Следователь Котов оказался невысоким мужчиной лет тридцати пяти с красными от холода ушами. Он пожал Анне руку, представил понятых и сразу предупредил:

— Сын там, у подъезда. Денис Арсеньев. Его не подпускаем, но он знает половину дома и уже всем объяснил, что отца убили. Просит вас назвать время смерти до осмотра.

— Значит, не называю и после осмотра, пока не будет оснований.

Котов едва заметно улыбнулся.

— Мне говорили, вы строгая.

— Кто?

— Город маленький.

Этого ответа Анна не любила с детства. В маленьком городе источник слуха всегда будто растворялся в самом воздухе, а отвечать за сказанное было некому.

Она остановилась перед лентой и оглядела двор. Снег лежал тонким неровным слоем. По расчищенной дорожке от подъезда тянулись следы жильцов, полицейских и медиков. Возле ширмы пространство сохранили лучше: патрульные вошли с одной стороны и обозначили свой путь пластиковыми флажками. До тела вела полоса утоптанного снега, но начиналась она не у подъезда, а у проезда между домом и площадкой.

— Кто ходил здесь до ограждения? — спросила Анна.

Котов открыл блокнот.

— Нашедшая, её собака, двое фельдшеров, водитель скорой и патрульный. Консьерж подходил до края газона, говорит, ближе не шёл. Сын прибежал позже.

— Следы обуви сняли?

— Павел снимает всё, что ещё различимо.

Анна натянула бахилы поверх ботинок и пошла по отмеченной дорожке. За ширмой лежал мужчина в тёмно-синем пальто. Он находился на правом боку, лицом к скамейке, одна рука была прижата к груди, другая вытянута в снег. Шапка лежала в метре от головы. На первый взгляд поза могла показаться результатом падения: человек оступился, ударился и остался лежать. Но «могла показаться» было выражением для разговоров у подъезда, не для протокола.

Анна присела, не касаясь тела. Снег вокруг головы был примят, но не пропитан. На видимой коже не было обильной крови. Край пальто возле левого бедра подвернулся внутрь, будто ткань тянули по шероховатой поверхности. На правом плече лежала тонкая белая пыль. Снег падал на неё и таял не сразу.

— Освещение, — попросила Анна.

Павел поставил фонарь на низкую стойку. В косом свете белые крупинки стали заметнее: не снег, а сухой порошок, забившийся в шов пальто. Такой же сероватый налёт был на локте и на задней стороне брюк.

— Здесь под домом ремонт? — спросила она.

— Дом сдали восемь месяцев назад, — ответил Котов. — В квартирах ремонтируют постоянно.

— Во дворе мокрый снег. Пыль сухая.

Следователь наклонился, но Анна остановила его ладонью.

— Смотрите со своего места. Потом снимем отдельно.

Она назвала вслух положение тела, одежду, видимые повреждения и состояние участка. Котов записывал. Павел фотографировал общий вид, затем средний и крупный. Анна работала медленно, потому что скорость на таком месте часто создаётся не быстрыми руками, а отсутствием лишних движений.

Под пальцами в перчатках кожа погибшего была холодной. Окоченение определялось, но время смерти по одному признаку она называть не собиралась. На затылке прощупывалось повреждение, скрытое волосами. Оно могло возникнуть от удара о край скамейки, о пол, о стену — перечень был длиннее, чем хотелось людям за лентой.

На ладони вытянутой руки не оказалось снега, который человек обычно захватывает, пытаясь удержаться при падении. Это ничего не доказывало: сознание могло быть утрачено раньше. На манжете пальто Анна заметила короткую синюю нить, на подошве ботинка — светлую крупку реагента и мелкий чёрный след, похожий на резину. Под телом снег был смят ровным пятном, а не продавлен всей массой вдоль направления падения.

— Павел, снимите подошвы до перемещения. И эту нить. Отдельный масштаб.

— Думаете, его принесли?

— Думаю, подошвы и нить надо снять до перемещения.

Котов перестал писать и посмотрел на дом.

— Если принесли, камеры покажут.

Анна подняла голову. Над козырьком подъезда висели сразу две полусферы, одна была направлена на дверь, другая на проезд. На каждой горел маленький красный огонёк.

— Огонёк показывает питание, — сказала она. — Не запись.

За ширмой раздался мужской голос:

— Я это им уже говорил!

Котов выпрямился.

— Денис, отойдите за ленту.

— Эти камеры не работали! Отец месяц писал жалобы. Они брали деньги за охрану и ничего не включили. Теперь скажут, что он сам упал.

Анна не видела говорившего, только его тень на ткани ширмы. Тень двигалась резко, рука то поднималась, то падала.

— Мы ничего пока не говорим, — ответил Котов.

— Тогда почему скорая записала «падение»?

— Скорая установила смерть. Причину устанавливает эксперт.

Тень замерла.

— Та самая эксперт из области?

Анна почувствовала знакомое раздражение. Её возвращение успели превратить в местную новость, хотя она никому не обещала чудес и не просила встречать её как усиление городской медицины.

— Эксперт сейчас занят, — сказал Котов. — Отойдите.

Анна продолжила осмотр. В наружном кармане пальто лежали связка ключей, телефон с треснувшим углом, бумажник и пластиковая карта с эмблемой жилого комплекса. Внутренний карман был расстёгнут. Там обнаружились очки в жёстком футляре, сложенный лист с перечнем квартир и небольшой прозрачный пакет. Пакет был пуст, но внутри на стенке прилип коричнево-серый комочек размером с чечевичное зерно.

— Не открываем здесь, — сказала Анна. — Упаковать целиком.

Котов прочитал верхнюю строку списка:

— «Осмотр дверей технических ниш». И номера этажей.

— Это уже ваша часть.

— Наша часть сейчас всё, — вздохнул он.

При перемещении тела стало видно, что задняя поверхность пальто испачкана неравномерно. На лопатках и левом боку лежала сухая строительная пыль; ниже по ткани тянулись две параллельные полосы, будто пальто соприкасалось с чем-то ребристым. Снег под мужчиной оставался относительно чистым. Если бы он долго лежал здесь после самостоятельного паде-

ния, влага превратила бы порошок в серую кашицу хотя бы по краям. Но пыль держалась в швах сухими островками.

Анна попросила взять образцы снега под телом и в двух метрах от него. Потом осмотрела скамейку. На деревянной кромке не было свежего скола, волос или заметного следа контакта. Металлическая ножка покрылась инеем равномерно. Шапка погибшего лежала мехом вниз, и на её верхушке снега оказалось больше, чем на плечах мужчины.

— Шапка могла упасть раньше, — сказал Котов.

— Могла. Или её положили раньше. Или она лежала отдельно в другом месте. Пока это только разница в количестве снега.

— Вы всегда так отвечаете?

— Когда вариантов несколько — да.

Из подъезда вышла женщина в зелёном пуховике и подняла руку, показывая Котову телефон. За ней тянулся белый шпиц в красном комбинезоне.

— Это нашедшая, Елена Митина, — сказал следователь. — Она согласилась ещё раз показать маршрут.

Анна отошла к краю ограждения. Женщина была бледна и говорила, не глядя в сторону ширмы.

— Мы вышли в пять семнадцать. Я время помню, потому что мужу написала: опять не спит твой любимый пёс. Пошли вдоль дома. Боня потянула к площадке, я подумала, еду нашла. Потом увидела ботинок.

— Вы касались мужчины?

— За плечо. Один раз. В перчатке. Потом позвонила. Диспетчер велела проверить дыхание, но я не смогла подойти к лицу.

— До вас рядом кто-нибудь был?

— Никого. В окне консьержа свет горел. И грузовая машина у арки стояла, но она почти каждую ночь приезжает. Доставки жильцам оставляют.

— Какая машина?

— Белая, без рисунка. Может, фургон. Я не разглядывала.

— Уезжала при вас?

Елена задумалась.

— Когда полиция приехала, её уже не было. Я слышала, как мотор завели, пока говорила с диспетчером. Но не видела, куда она поехала.

Котов записал. Павел сфотографировал маршрут женщины и следы маленьких собачьих лап, ещё различимые у бордюра.

— Камера на арке смотрит прямо на въезд, — заметил следователь.

Елена коротко, невесело рассмеялась.

— Она смотрит. Только ничего не видит. Мы за эти камеры по четыреста двадцать рублей в месяц платим. Виктор Петрович хотел добиться перерасчёта.

— Откуда вы знаете, что не видит?

— Осенью у меня машину поцарапали. Пошла за записью, а управляющий сказал: сервер на пусконаладке. Три месяца пусконаладка. Лампочки горят для красоты.

Котов попросил её подождать в холле для официального опроса. Анна снова посмотрела на полусферу над подъездом. Красный огонёк мигнул, и в этом было что-то почти издевательское: устройство исправно сообщало о собственном существовании, а люди принимали это за память.

Когда тело подготовили к перевозке, Котов подвёл к ней Дениса Арсеньева. Сын погибшего был высокий, небритый, в расстёгнутой куртке поверх рубашки. На правой руке у него темнело пятно чернил. Он держался прямо, но взгляд всё время уходил к машине скорой.

— Анна Сергеевна, — сказал он без приветствия, — у отца был конфликт с управляющей компанией. Вчера он нашёл доказательства, что они подделывали акты. Сегодня он мёртв. Это не падение.

— Я не называла это падением.

— Но и убийством не называете.

— Потому что осмотр места не даёт мне права назвать причину смерти.

— На затылке кровь.

— Есть повреждение. Его характер установим при исследовании.

Денис шагнул ближе.

— Пока вы устанавливаете, они уберут всё из дома.

Котов встал между ними не преграждая путь, а обозначая границу.

— Мы уже ограничили доступ в технические помещения.

— Кому ограничили? Управляющему, у которого мастер-ключ? Подрядчику, который по ночам возит материалы через паркинг?

Анна заметила, что Денис не просто разгневан. Он перечислял заранее собранные факты и ждал, что любой из них станет готовым обвинением.

— Когда вы видели отца в последний раз? — спросила она.

— Вчера в девять вечера. Он заезжал ко мне. Оставил папку, потом забрал. Сказал, что должен кое-что проверить лично.

— Где папка?

— При нём должна быть. Чёрная, на молнии.

Котов посмотрел на перечень изъятых вещей.

— Папки нет.

Лицо Дениса изменилось не сразу. Сначала он будто не понял слова, затем сжал губы и оглянулся на подъезд.

— Значит, её забрали.

— Или Виктор Петрович оставил её в другом месте, — сказала Анна.

— Вы их защищаете?

— Я защищаю разницу между тем, что известно, и тем, что предполагается.

— Очень удобно.

Он развернулся и пошёл к дому. Котов окликнул его, напомнил не заходить в квартиру отца без полиции. Денис поднял руку, показывая, что услышал, но не остановился.

— Он нам ещё устроит, — сказал Котов.

— Возможно, он прав насчёт папки.

— Но не обязательно насчёт того, кто её взял.

Анна посмотрела на следователя. Тот пожал плечами:

— Учусь.

В холле четвёртого подъезда пахло кофе, мокрой одеждой и штукатуркой. За стойкой консьержа сидел худой мужчина с впалыми щеками. На табличке было написано «Кирилл Савин». Перед ним стояли четыре монитора. Три показывали синее поле с надписью об отсутствии сигнала, четвёртый был выключен.

— Когда пропало изображение? — спросил Котов.

— Оно никогда нормально не появлялось, — ответил Савин. — Иногда на два часа включали при проверке. Потом снова пусто.

— Сегодня ночью что-нибудь показывало?

— Нет.

— Кто входил и выходил?

Савин потёр ладони. На среднем пальце левой руки белела полоска от недавно снятого кольца.

— После полуночи тихо было. Курьер в первом часу. Потом Максим Чернов прошёл, прораб. Сказал, инструмент забыл в подсобке. Ушёл... где-то без двадцати два. Виктор Петрович вернулся позже.

— Во сколько?

— Около двух. Я на часы не смотрел.

— Один?

— Один.

— С папкой?

Савин сглотнул.

— Кажется, да.

Анна стояла чуть в стороне и смотрела не на его лицо, а на руки. При имени погибшего пальцы Савина сжались. Это мог быть страх, горе, вина за любую старую ссору или просто реакция человека, которого допрашивают возле места смерти. Люди лгали не только из-за убийства. Иногда самая заметная ложь закрывала совсем другую дверь.

— А потом? — спросил Котов.

— Потом я вышел на обход. Вернулся примерно через семь минут. Виктора Петровича уже не видел.

— Как вы определили семь минут, если на часы не смотрели?

Савин поднял глаза. Ответ задержался на долю секунды.

— Обычно столько занимает. До второго корпуса и обратно.

Котов записал фразу дословно.

Анна подошла к мониторам. Под стойкой гудел небольшой системный блок, но индикатор сетевого соединения не горел. На стене висел лист с телефонами аварийных служб. Рядом от руки было приписано: «Видеонаблюдение — заявка 314, сервер не принят».

— Эту запись кто сделал? — спросила она.

— Виктор Петрович, — ответил Савин. — Он всё записывал.

— Когда?

— Недели две назад.

За стеклянной дверью медики закрыли машину. Синий проблесковый свет прошёл по стенам холла и погас. Анна увидела своё отражение в чёрном мониторе: усталое лицо, волосы убраны наспех, за спиной чужой новый дом, в котором всё блестело и почти ничего не работало так, как было обещано.

Она сняла перчатки и продиктовала Котову предварительные замечания. Смерть требовала исследования. Положение тела и состояние одежды не позволяли считать двор несомненным местом первичного события. На пальто обнаружена сухая строительная пыль, плохо совместимая с длительным нахождением в мокром снегу. На одежде есть параллельные следы контакта, на подошве — частицы неизвестного происхождения. Внутренний карман расстёгнут, названная родственником папка отсутствует. Всё остальное предстояло проверять.

— То есть основание для дела есть? — спросил Котов.

— Основание решаете вы. У вас тело, повреждение, возможное перемещение и пропавшая вещь. У меня пока нет причины смерти.

— А время?

— После исследования и с диапазоном, не с красивой минутой.

Во дворе уже светало. Серые корпуса стали отчётливее, в окнах двигались люди. Дворники обходили ленту, не решаясь начинать работу. На детской горке лежал чистый снег, а под каждой камерой горел красный огонёк.

Котову позвонили. Он слушал, глядя на Анну, потом включил громкую связь. Женский голос из диспетчерской управляющей компании говорил сухо и раздражённо:

— Повторяю: оборудование смонтировано, но акт ввода сервера не подписан. Архив не ведётся. Онлайн-сигнал подавался только при испытаниях.

— Ни одна камера этой ночью не записывала? — уточнил Котов.

— Если акт не подписан, откуда запись?

— Мне нужен прямой ответ.

На том конце помолчали.

— Записи нет ни с одной камеры комплекса.

Котов отключил связь.

Во дворе сразу стало как будто тише, хотя за воротами шли машины и ветер бил ширмой о металлическую стойку. Люди привыкли считать отсутствие изображения пустотой. Анна знала, что пустота тоже оставляет границы: между сухой пылью и мокрым снегом, между временем на часах и семью минутами «обычного» обхода, между пропавшей папкой и пустым пакетом в кармане.

Она ещё раз посмотрела на место у скамейки. Снег уже начинал затягивать следы тонкой белой плёнкой.

— Павел, заканчивайте общие снимки до уборки, — сказала она. — И попросите отдельный пакет для пальто. Пластик не использовать.

— Думаете, пыль приведёт нас туда, где он умер?

— Если мы не испортим её раньше, она скажет, где он был.

Это было больше, чем Анна обычно позволяла себе обещать на первом осмотре. Она поправила ремень сумки и пошла к машине. Впереди были секционный стол, яркий свет и работа, где любое уверенное слово становилось документом. За спиной оставался двор, полный камер, не сохранивших ни секунды. Но ночь не исчезла вместе с записью. Она осталась на ткани, на подошвах, в снегу и в первой слишком точной лжи человека за стойкой.

Глава 2. След от сухого пола

В секционной пахло хлорсодержащим раствором, холодным металлом и кофе, который кто-то забыл на подоконнике ещё ночью. Анна переоделась, убрала волосы под шапочку и задержалась у двери ровно настолько, чтобы оставить двор за порогом. Там были мокрый снег, крики Дениса и красные огоньки бесполезных камер. Здесь оставались тело, одежда и то, что можно было проверить руками.

Павел Руденко привёз пакеты с вещами следом за машиной. Он разложил их на соседнем столе и стал сверять номера с описью. Следователь Котов стоял у стены, не снимая куртки, и смотрел на телефон. Экран вспыхивал почти каждую минуту.

— Начальство? — спросила Анна.

— Начальство, прокуратура, дежурная часть и сын погибшего. Последний пишет чаще всех. Уже выложил в домовом чате, что отец убит из-за поддельных актов.

— Он написал, кем?

— Пока нет. Но фамилию управляющего упомянул четыре раза.

Анна поставила диктофон на край стола и назвала дату, время, участников исследования и номер материала. Говорить пришлось чуть медленнее обычного: местная лаборантка Нина Фролова записывала параллельно от руки и первое время не успевала за её темпом.

— Если быстро, скажите, — попросила Нина.

— Скажите вы. Я привыкну.

Нина взглянула с благодарностью и снова склонилась над журналом.

Внешний осмотр Анна начала с одежды, пока следы на ней не изменились от тепла помещения. Пальто было качественное, но старое: на локтях едва заметно блестела ткань, у нижней пуговицы нитки отличались по цвету. Воротник и правое плечо намокли во дворе. Задняя поверхность оставалась странно неодинаковой. Вода проникла в верхний слой шерсти, а в швах и под складками держались сухие серо-белые островки.

Анна положила рядом полоску миллиметровой бумаги и попросила Павла снять каждый участок до отбора образцов.

— Сверху вниз, — сказала она. — Сначала общий вид, потом левый бок, лопатки, локоть, низ пальто. И отдельно границу намокания.

— Уже.

— Не «уже», а по списку. Потом будем искать кадр и гадать, сняли или собирались.

Павел молча кивнул. Он не обиделся, только стал называть номера снимков вслух.

Котов подошёл ближе.

— Вы всё-таки считаете, что его принесли?

— Я считаю, что эта пыль попала на одежду до того, как пальто намокло во дворе.

— А это не одно и то же?

— Нет. Он мог испачкаться в помещении, выйти сам и упасть. Мог лежать на сухом полу, а потом встать. Мог быть перемещён. Пока у нас след от сухого места, а не подпись человека, который его нёс.

Котов отступил к стене. Анна заметила, что он записал её последнюю фразу в блокнот. Это было лучше, чем если бы он запомнил только удобную половину.

Пыль снимали прозрачной лентой с чистых участков, из швов отбирали стерильным шпателем. Каждый образец уходил в отдельный бумажный пакет. Нина подписывала место отбора. На левом боку под налётом обнаружились две параллельные потёртости. Волокна шерсти были приглажены в одном направлении, словно пальто коротко протащили по ребристой поверхности.

— Расстояние между полосами шесть и восемь десятых сантиметра, — произнесла Анна. — Ширина первой около четырёх миллиметров, второй около пяти. Повреждения ткани поверхностные.

Павел положил линейку.

— На тележку похоже.

— На множество вещей похоже. На рифлёный настил, край поддона, направляющую, тележку. Слово «тележка» пока уберите из головы, иначе начнёте узнавать её в каждом коридоре.

— А если это она и есть?

— Тогда никуда не денется.

В карманах пальто проверили подкладку. Наружный правый карман хранил мелкие крошки тёмного табака, хотя сигарет при погибшем не было. В левом лежал сложенный чек из хозяйственного магазина недельной давности: перчатки, фонарь, набор маркеров. Во внутреннем кармане, где могла находиться чёрная папка, молния была исправна. На подкладке не оказалось разрыва, зато у нижнего края застряла короткая синяя нить, похожая на найденную на манжете.

— Одна и та же? — спросил Котов.

— Внешне похожа. Одинаковыми их назовут после сравнения.

— Синий материал в доме поискать можем.

— Можете. Только не вырезайте половину подъезда. Сначала сфотографируйте и установите, что к чему относится.

Телефон Котова опять загорелся. Он прочитал сообщение и нахмурился.

— Денис нашёл человека, который видел отца после полуночи. Консьерж. Говорит, Виктор Петрович вернулся с улицы около двух, вошёл с чёрной папкой. Потом консьерж отлучился на семь минут.

— Он уже говорил это во дворе.

— Теперь дал письменное объяснение. С двух ноль пяти до двух двенадцати.

Анна подняла глаза.

— У него появились часы?

— Говорит, посмотрел время в телефоне перед выходом.

— Утром он сказал, что не смотрел.

— Котов перелистнул блокнот и нашёл запись. — Точно. «На часы не смотрел, минут семь, не больше».

— Спросите, почему память улучшилась. Не обвиняйте во лжи. Пусть сам объяснит источник времени.

— Вы думаете, он замешан?

— Я думаю, человек изменил проверяемую деталь показаний. Причин для этого больше одной.

Анна вернулась к одежде. Брюки на коленях были чистыми. Если Арсеньев упал во дворе и пытался подняться, на ткани могли остаться мокрый снег или грязь, но отсутствие таких следов ничего само по себе не решало. На задней стороне левой штанины повторялся серый налёт. Возле кармана сохранился отпечаток прямого края длиной около двенадцати сантиметров. Не рисунок предмета, только граница между запылённой и чистой тканью.

На подошвах ботинок светлая крупка лежала неравномерно. В протекторе правого ботинка застряли три зерна, на левом — одно. Обычная дворовая соль была полупрозрачной и быстро набирала влагу. Эти частицы оставались матовыми, с желтоватым оттенком. Рядом тянулся чёрный мазок, который мог быть резиной, краской или битумом.

— Отдельно упаковать соскобы, — сказала Анна. — И запросить образцы смеси со двора, у въезда в паркинг и с технических этажей. Не один общий пакет, а с точным местом.

— Во дворе всё уже размокло, — заметил Павел.

— Поэтому нужны контрольные образцы с участков под навесом.

Котов убрал телефон в карман.

— Управляющий разрешает осмотр общих помещений, но требует присутствия юриста.

— Разрешает или вас туда допускают по постановлению?

— Пока добровольно. Если начнёт выбирать двери, оформим иначе.

— Начните с маршрутов, которые указаны в листе Арсеньева. Но не подгоняйте найденную пыль под первый серый пол.

После одежды Анна перешла к телу. Она называла каждое действие, а Нина записывала. Видимое повреждение в затылочной области оказалось не таким, каким его представлял Денис у ширмы. Крови было мало, края раны не позволяли без внутреннего исследования судить о предмете. На правом предплечье обнаружился кровоподтёк с размытыми границами, уже изменивший цвет. Он явно возник не в последние минуты жизни.

— Старый? — спросил Котов.

— Не сегодняшнего утра. Точнее скажу после разреза тканей и общего исследования. Синяк не умеет показывать часы.

— А сколько ему хотя бы?

— Не меньше нескольких часов, возможно значительно больше. В заключении не будет удобной цифры, если тело её не даёт.

Анна осмотрела кисти. Под ногтями не было заметных частиц кожи или крови. На ладонях — мелкие сухие загрязнения и следы недавней работы без перчаток: в складках застрял тот же сероватый материал, но это ещё не означало, что он совпадал с пылью на пальто. На указательном пальце правой руки темнело пятно маркера.

— Сын сказал, отец собирал образцы, — напомнил Котов. — Пустой пакет нашли. Может, сам лазил по стройке и весь испачкался.

— Может. Тогда нужно понять, почему пыль на спине лежит полосами, а под телом во дворе её почти нет.

— Снег мог смыть.

— С открытых мест начал смывать. В швах сохранил. Но если пальто тёрлось о снег при падении, мы увидели бы влажную серую массу по краям следа. Пока её нет.

Анна включила верхний свет над столом и снова проверила затылочную область. Повреждение требовало осторожности: соблазн связать его с убийством был слишком велик. Человек мог получить травму при падении, после толчка, от удара предметом, при переносе. Решение находилось глубже, но и внутреннее исследование не обещало назвать фамилию.

К девяти утра в секционную пришёл заведующий бюро Михаил Андреевич Жаров. Анна видела его последний раз пятнадцать лет назад, когда он был молодым экспертом с рыжими усами и привычкой носить два карандаша в нагрудном кармане. Усы поседели, карандаши остались.

— Анна Сергеевна, — сказал он, останавливаясь в дверях. — Вернулась и сразу громкое дело.

— Я выбирала тихое, но дежурный следователь перепутал адрес.

Жаров не улыбнулся. Он надел халат, просмотрел опись и наклонился к пальто.

— Сын уже звонил в приёмную министерства. Утверждает, что здесь будут скрывать убийство.

— Исследование записывается.

— Это правильно. Предварительно что даём следствию?

— После внутреннего исследования — ориентир по причине смерти и перечень того, что требует лаборатории. Сейчас: есть основания проверять перемещение тела после пребывания в сухом запылённом помещении.

— «Есть основания проверять» они не любят.

— Зато это правда.

Жаров посмотрел на Котова, будто ожидал поддержки, но следователь уткнулся в блокнот.

— Городу нужна ясность, — сказал заведующий. — Дом новый, камеры не работают, председатель жильцов погиб. Если это несчастный случай, лучше снять напряжение сразу.

— А если не несчастный?

— Тогда тем более не тянуть.

— Я и не тяну. Я не называю причину до исследования.

Между ними возникла короткая тишина. Анна знала эту тишину. Так разговаривали с человеком, от которого ждали не ошибки, а удобства. В областном центре она научилась не заполнять её оправданиями.

Жаров первым отвёл взгляд.

— Хорошо. Работайте. Только к полудню мне понадобится служебная записка.

— Получите факты к полудню. Не вывод для успокоения жильцов.

Он вышел, аккуратно прикрыв дверь. Нина перестала писать и тихо выдохнула.

— Он со всеми так? — спросила Анна.

— Когда звонят сверху, ещё мягче, — ответила Нина. — Чем мягче говорит, тем больше звонков.

Внутреннее исследование подтвердило, что одного внешнего повреждения недостаточно для простого ответа. Анна работала без спешки, проверяя признаки один за другим. Она не произносила вслух подробности, не нужные Котову в эту минуту, и не позволяла ему заглядывать через плечо. Для следствия важны были выводы и сохранённые образцы, а не впечатление от увиденного.

Затылочное повреждение сопровождалось кровоизлиянием в мягкие ткани. Оно возникло при жизни. Но характер костных изменений не давал честного основания назвать конкретный предмет. Кроме того, на шее и в верхней части спины обнаружились небольшие повреждения, которые могли возникнуть при перемещении или контакте с жёстким краем уже после основного воздействия. Анна отдельно взяла материал для исследования и несколько раз сверила маркировку.

— Причина? — спросил Котов, когда она закончила основную часть.

— Тяжёлая травма головы наиболее вероятна как непосредственная причина. Окончательно — после лаборатории и сопоставления. Повреждение причинено при жизни. Механизм уточняется.

— То есть ударили?

— Не обязательно предметом. Удар о поверхность тоже удар. Вопрос, который вы хотите задать, звучит так: мог ли он получить это при обычном падении во дворе? Сейчас я не могу исключить падение вообще, но место обнаружения плохо объясняет всю совокупность следов.

— Почему плохо?

— Сухая строительная пыль на спине. Направленные потёртости. Разница в снеге на одежде и шапке. Чистый снег под телом. Отсутствие подходящего следа на скамейке. И повреждения, для которых нужно сопоставить поверхность, высоту и положение тела. По отдельности каждый признак слабый. Вместе они требуют искать другое место контакта.

Котов провёл пальцем по краю блокнота.

— Могу написать в рапорте, что тело, вероятно, перемещали?

— Напишите, что эксперт выявил признаки возможного перемещения и рекомендовал поиск первоначального места травмирования. Слово «вероятно» без объяснения начальство превратит в «точно».

— Денис всё равно превратит.

— Денис не оформляет ваши документы.

Павел закончил упаковку одежды и подошёл с камерой.

— Есть ещё одна вещь. На внутренней стороне пальто, ниже правой лопатки, отпечаталась сетка. Очень слабая. Глазом почти не видно, только в боковом свете.

Он показал снимок. На увеличении проступали ромбы, каждый около двух сантиметров. След не был загрязнением; ворс ткани лёг в разных направлениях.

Анна попросила вернуть пальто под свет. Сетка занимала участок размером с две ладони и обрывалась возле одной из параллельных полос.

— Зафиксировать с косым освещением с четырёх сторон, — сказала она. — Размер ячейки отдельно. Никаких догадок в подписи.

— Сетка на тележке бывает резиновая, — заметил Павел.

— Бывает. И на защитных матах, багажных ковриках, строительных подложках. Нам нужен конкретный предмет.

— В грузовом лифте стены закрыты синими матами, — сказал Котов. — Я утром видел. Такие стёганые, чтобы мебелью не царапали.

Анна посмотрела на синюю нить в прозрачном пакете.

— Осмотрите маты без демонтажа. Фотографии, размеры ромбов, материал нитей, повреждения. Если совпадает внешне — оформляйте изъятие образца. И проверьте, меняли ли их после ночи.

— Сейчас позвоню группе.

— Сначала запишите, откуда у вас основание. Пальто исследовали до осмотра лифта. Время важно.

Котов понял сразу. Если в деле позже появится совпадающий рисунок, защита обязательно спросит, не придумали ли эксперты след после того, как увидели маты. Доказательство должно иметь не только содержание, но и порядок появления.

Он продиктовал помощнику поручение и время. Через несколько минут пришёл ответ: грузовой лифт четвёртого подъезда остановлен, доступ ограничен. Синий защитный мат на задней стенке висит неровно, нижний ремень оборван. Лифт утром уже использовали двое жильцов, но уборщик туда не заходил.

— Оцепили, — сказал Котов. — Криминалист едет.

— Хорошо. Не обещайте себе, что нашли маршрут. Пока нашли предмет для сравнения.

В десять сорок Анна сняла перчатки и вышла в коридор. Кофе на подоконнике окончательно остыл. За окном снег перешёл в дождь, вода тёмными дорожками стекала по стеклу. Во дворе бюро стоял Денис Арсеньев.

Он заметил Анну почти сразу и вошёл через приёмную, прежде чем охранник успел его остановить. Куртка у него промокла на плечах. В руках он держал планшет и чёрную папку, но не ту, которую искали: эта была тонкая, пластиковая, с логотипом магазина.

— Мне сказали, исследование закончилось, — произнёс он.

— Кто сказал?

— В городе умеют разговаривать. Что с отцом?

Котов вышел следом и встал рядом.

— Денис Викторович, официальную информацию получите у следствия.

— Следствие шесть часов оформляет бумажки. Я спрашиваю врача.

— Я судебный эксперт, — сказала Анна. — И не обсуждаю результаты в коридоре с родственниками до передачи следователю.

— Значит, уже нашли то, что вам не нравится.

— Я нашла факты, которые требуют проверки.

Денис разблокировал планшет. На экране была фотография серого коридора с дверями без номеров.

— Это технический этаж. Отец прислал мне вчера в двадцать три сорок восемь. Видите пол? Весь в белой пыли. А вот это дверь ниши, где они заменили противопожарную плиту обычной. Он пошёл туда и не вернулся.

Анна не взяла планшет.

— Передайте фотографию Котову вместе с исходным сообщением.

— Вы можете просто сказать: пыль на его одежде такая же?

— Нет. По фотографии цвет пыли сравнить нельзя.

— Она белая.

— Белыми на снимке выглядят гипс, цемент, шпаклёвка, соль, известь и пересвеченный грязный пол. Нужен образец.

Денис сжал планшет обеими руками.

— Пока вы берёте образцы, управляющий всё вымоет.

— Доступ уже ограничен, — сказал Котов.

— К общим помещениям. А квартиры? У них две непроданные квартиры на шестом и девятом этажах. Там хранят материалы. Отец об этом говорил.

Котов записал номера.

— Откуда сведения?

— От него. И от риелтора, которая проводит показы.

— Имя риелтора?

— Ольга Мельник. Телефон пришлю.

Денис говорил быстро, но теперь в его злости появилась деловая точность. Анна понимала, почему людям хотелось верить ему целиком. Он приносил реальные сведения, называл двери, этажи, время сообщений. Опасность состояла не в том, что всё сказанное было ложью. Опасность состояла в переходе от нескольких верных фактов к единственному заранее выбранному виновнику.

— Чёрная папка отца могла остаться в одной из квартир? — спросил Котов.

— Нет. Он носил её с собой. Там были копии актов и образцы.

— Откуда вы знаете состав?

— Я видел вчера.

— Вы говорили, он заезжал и забрал папку. Вы её открывали?

Денис помедлил.

— Он показал один акт. Остальное не успел.

— Значит, про образцы предполагаете.

— Пустой пакет нашли у него. Что ещё в нём было?

— Это мы выясняем.

Денис повернулся к Анне.

— Скажите хотя бы одно. Он умер там, где его нашли?

Она могла ответить коротко и получить несколько секунд благодарной тишины. Могла произнести «нет», потому что следы действительно указывали в другую сторону. Но после этого любое уточнение исчезло бы, а слово осталось бы в домовом чате как заключение эксперта.

— Есть признаки, что до двора он находился в сухом помещении и что после получения части повреждений его могли перемещать, — сказала Анна. — Первоначальное место пока не установлено.

— Значит, его вынесли.

— Я сказала не это.

— По-человечески это именно так.

— По-человечески иногда приходится выдержать разницу между «могли» и «вынесли». Иначе первый человек, которого вы назовёте, станет виновным раньше доказательств.

Денис убрал планшет.

— Вы просто боитесь ошибиться.

— Да, — ответила Анна. — И вам советую.

Он посмотрел на неё с неожиданным недоумением, будто ожидал оправдания, а получил согласие. Потом передал Котову телефон риелтора и вышел.

Через стеклянную дверь было видно, как он остановился под дождём и кому-то позвонил. Котов проводил его взглядом.

— Через час весь дом будет знать про сухое помещение.

— Дом и так знает про технический этаж. Главное, чтобы он не узнал от нас то, чего мы не установили.

В лабораторной комнате Нина уже подготовила список образцов. Анна проверила номера. Пыль с пальто, содержимое протектора, материал из пустого пакета, синяя нить, контрольные срезы ткани. Отдельно шли биологические образцы. Ни один пакет не должен был превратиться в безымянное «вещество с места».

Павел вернулся из лифта ближе к полудню. На коленях его комбинезона темнели мокрые пятна.

— Мат с ромбами, размер ячейки почти совпадает, — сообщил он. — Синтетика синяя. Внизу есть свежая потёртость и две серые полосы на резиновом пороге. Но лифтом пользовались утром. Волос, крови не увидел.

— Образцы взяли?

— По постановлению: нить с оборванного края, соскоб с порога, смывы. Сам мат пока оставили, опечатали кабину.

— Журнал движения лифта сохранился?

— Управляющий говорит, пассажирский пишет вызовы, грузовой — только ошибки.

Котов криво улыбнулся.

— В этом доме всё смотрит и ничего не помнит.

— Электрик будет в час, — продолжил Павел. — Говорит, у грузового есть сервисный журнал в шкафу управления. Не обещает, что там время точное.

Анна открыла фотографии лифта. Синий мат действительно имел ромбовидную простёжку. Нижний край загнулся наружу, открывая жёсткую сетчатую изнанку. На пороге лежала та же на вид светлая пыль, но «та же на вид» оставалось только поводом для сравнения.

— Есть ещё коридор перед лифтом, — сказал Павел. — Сухой. Тёплый пол. У стены складная платформенная тележка. На ней ребристая резина, полосы примерно на таком расстоянии.

Котов сразу поднялся.

— Вот и перенесли.

Анна увеличила снимок тележки. Платформа была покрыта чёрным ковриком, по краям шли продольные рёбра. На ручке висел бумажный ярлык управляющей компании.

— Вот и предмет, который нужно исследовать, — поправила она. — Не маршрут и не человек.

— Тележка чистая, — сказал Павел. — Даже слишком. На колёсах мокро, платформа сухая. Уборщик утверждает, что не мыл.

— Кто ею пользуется?

— Консьерж выдаёт жильцам и доставщикам. Записи нет. Берут у стены и возвращают.

Анна посмотрела на Котова.

— А консьерж ночью выходил на семь минут.

— С двух ноль пяти до двух двенадцати, если верить второй версии.

— Или в другое время, если верить первой. Не соединяйте пока тележку с его отсутствием. Зафиксируйте тележку, колёса, платформу и место хранения. Установите, кто видел её последним до обнаружения тела.

Котов уже набирал группу.

Анна села за стол и начала служебную записку Жарову. Первое предложение далось легко: исследование продолжается, окончательное заключение будет подготовлено после лабораторных результатов. Второе требовало точности. Она перечислила признаки, не складывая их в готовую историю. Сухой налёт на защищённых участках одежды. Направленные потёртости. Ромбовидный контактный след. Различие состояния одежды и места обнаружения. Прижизненная травма головы. Необходимость поиска сухого отапливаемого помещения и предметов с сопоставимой поверхностью.

В конце она написала: «Обнаруженные признаки позволяют предполагать изменение положения и возможное перемещение тела, однако не устанавливают способ перемещения, первоначальное место причинения повреждений и лицо, совершившее действия».

Жаров прочитал записку у себя в кабинете. Два карандаша лежали параллельно на столе.

— Слишком осторожно, — сказал он.

— Ровно настолько, насколько позволяют данные.

— Следователь всё равно возбудит дело.

— Это его решение и его основания.

— А если лаборатория не подтвердит совпадение пыли?

— Тогда мы не назовём её совпадающей.

Жаров постучал карандашом по последней строке.

— «Возможное перемещение». Сын погибшего скажет, что мы прячемся за словами.

— Я прячусь не за словами. Я отмечаю границу между следом и версией.

Он подписал записку и вернул ей.

— В областном центре за такую границу вас и не любили?

Вопрос был задан тихо, почти без намерения ранить. Поэтому задел сильнее.

— В областном центре меня не любили за конкретную ошибку, — сказала Анна. — А граница появилась после неё.

Жаров снял очки.

— Здесь о той истории знают.

— Я заметила.

— Тогда вам особенно нельзя давать повода.

— Особенно нельзя делать вид, что у нас уже есть ответ.

Она вышла, не дожидаясь следующего совета. В коридоре Котов говорил по телефону, отвернувшись к окну.

— Нет, Денис Викторович, задержанных нет. Нет, тележка сама по себе не доказывает убийство. Откуда вы знаете про тележку?.. Кто вам прислал фотографию?

Он увидел Анну и закрыл глаза на секунду.

— Не входите в опечатанный лифт. Это не просьба. Денис Викторович, вы меня слышите?

Разговор оборвался. Котов посмотрел на погасший экран.

— Домовой чат. Кто-то из жильцов снял нашу группу. Денис уже написал, что отца вывезли на тележке из грузового лифта, а консьерж помог убийцам отключить камеры.

— Камеры не отключали этой ночью. Они не записывали с самого начала.

— Попробуйте объяснить это чату из трёхсот человек.

Анна забрала копию служебной записки.

— Объяснять будем не чату. Сначала установите, где был Савин и почему изменил время. Если его долг или другая причина не связаны со смертью, публичное обвинение заставит его защищаться от одного и скрывать другое.

— Вы уже решили, что у него долг?

— Нет. Я привела пример причины, по которой свидетель может лгать не об убийстве. Люди редко хранят по одной тайне за раз.

Котов убрал телефон.

— Поедете в дом?

Анна посмотрела на часы. Было двенадцать двадцать. Образцы отправлялись в лабораторию, одежда была исследована, тело оставалось в бюро под её ответственностью. В доме находилось то, что нельзя было увидеть на секционном столе: сухой пол, грузовой лифт, тележка и помещения, куда Виктор Арсеньев мог прийти сам.

— Поеду. Но сначала запросите исходник фотографии Дениса с временем и данными файла. И найдите тех, кто пользовался грузовым лифтом после пяти утра. Утренние следы надо отделить от ночных.

— А Савин?

— Опросите ещё раз там, где он сидел ночью. Пусть покажет, куда вышел, чем открыл дверь и почему уверен в семи минутах. Не начинайте с тележки.

— Почему?

— Потому что тогда он будет отвечать на вашу версию, а не вспоминать свою ночь.

Они вышли во двор бюро. Дождь почти смыл снег с асфальта, оставив белые полосы только у бордюров. Служебная машина Павла была испачкана серой жижей до дверных ручек. Анна задержалась возле багажника и посмотрела на собственные ботинки. Подошвы блестели от воды, в протектор набилась соль. Всё, что лежало на открытой улице, быстро становилось мокрым, смешанным и бесформенным.

На пальто Виктора Арсеньева пыль сохранилась сухой.

Это по-прежнему не называло убийцу. Но точно указывало, что двор был концом маршрута, а не его началом.

Глава 3. Возвращение Ладиной

К жилому комплексу они вернулись другим въездом. Утренний снег превратился в серую воду, и двор уже не походил на место, где несколько часов назад лежал человек. Рабочий в оранжевом жилете сгребал кашу к ливневой решётке. Дети обходили ограждение по дороге из школы. Только красно-белая лента возле скамейки напоминала, что привычный порядок двора здесь закончился.

Анна вышла из машины и сразу увидела телефон, направленный на неё из окна первого этажа. За стеклом стояла женщина в домашней кофте. Она не пряталась. Через секунду ещё один телефон поднялся на балконе.

— Денис постарался, — сказал Котов. — В чате написали, что приехала эксперт, которая скрыла убийство в областном центре. Ссылку прислали из старой газеты.

Анна закрыла дверцу.

— Газета писала не это.

— Я не успел прочитать. Там длинно.

— Жалоба была длиннее.

Павел достал чемодан и посмотрел на дом.

— Если мешают, можно попросить патруль.

— Смотреть из окон не запрещено, — сказала Анна. — Пусть только не заходят за ленту.

В холле четвёртого подъезда пахло мокрыми куртками и ванильным освежителем. Консьерж Кирилл Савин сидел за стойкой, положив ладони на стол. Перед ним стоял бумажный стакан с нетронутым чаем. За спиной висели четыре монитора. Три показывали синие прямоугольники с надписью «НЕТ СИГНАЛА», четвёртый — список квартир и фамилий.

На диване у стены расположились управляющий домом Борис Тихонов и женщина в сером костюме, представившаяся юристом компании. Тихонов был крупным мужчиной с аккуратно подстриженной бородой. Он поднялся первым.

— Мы оказываем полное содействие, — сказал он. — Но прошу учитывать права жильцов и не останавливать оба лифта надолго.

— Грузовой останется опечатанным до окончания осмотра, — ответил Котов. — Пассажирский работает.

— В доме двести восемьдесят квартир. Переезды, доставки. Люди уже жалуются.

— Сегодня жалобы подождут.

Юрист открыла папку.

— Мы хотим получить копию документа, на основании которого ограничен доступ к общему имуществу.

Котов кивнул помощнику, и тот передал ей лист. Анна тем временем подошла к стойке консьержа. На углу лежал журнал выдачи ключей. Последняя запись была сделана вчера в двадцать один тридцать: «щитовая, электрик Громов». Ни тележка, ни ключи от непроданных квартир в журнале не упоминались.

— Кирилл Савин? — спросила она.

Консьерж поднял голову. У него были красные глаза и свежий порез на подбородке.

— Да.

— Покажите, где вы находились ночью и куда выходили.

Он посмотрел на Котова.

— Я уже два раза всё рассказал.

— Теперь покажете. Время пока не называйте. Начните с момента, когда Виктор Арсеньев вошёл в подъезд.

Савин медленно поднялся. Он был выше, чем казался за стойкой, но держал плечи опущенными.

— Вошёл через эту дверь. Папка под мышкой. Поздоровался.

— Какая папка?

— Чёрная, тканевая, на молнии. Он всегда с ней ходил по дому.

— Всегда или в последние дни?

— Часто. Не знаю.

— Одежда была сухой?

Савин нахмурился.

— На улице снег шёл. Наверное, мокрой.

— Вы помните или предполагаете?

— Предполагаю.

Анна отметила ответ. Человек, который хотел помочь собственной версии, назвал бы мокрое пальто уверенно. Савин хотя бы сейчас различал память и догадку.

— Куда он пошёл?

— К лифтам. Нажал кнопку. Я отвлёкся на доставщика.

— Какого?

— Еду привёз в сто сорок седьмую. Парень в жёлтой куртке.

Котов сделал знак помощнику проверить заказ.

— Арсеньев вошёл в пассажирский или грузовой лифт? — спросила Анна.

— Не видел. Двери за углом.

Из холла к лифтам вёл короткий коридор. Пассажирский находился слева, грузовой справа. Между ними стояла складная платформенная тележка, теперь окружённая лентой. Её ручка была поднята. На полу под колёсами лежали впитывающие салфетки, чтобы вода не растекалась дальше.

— А потом? — спросила Анна.

Савин показал на боковую дверь за стойкой.

— Потом я вышел покурить.

— Через главный вход?

— Нет, через служебный. Там дворик для мусорных контейнеров.

— Покажите.

Юрист шагнула следом, но Котов остановил её у стойки.

— Опрос свидетеля. Подождите здесь.

Служебная дверь открывалась магнитной картой изнутри и обычным ключом снаружи. За ней был узкий тамбур, затем бетонная площадка под навесом. Здесь снег не лежал. На полу виднелись окурки в жестяной банке и тёмные следы обуви.

— Где стояли? — спросила Анна.

Савин указал на стену.

— Здесь.

— Телефон был с вами?

— Да.

— Вы сказали следователю, что вышли в две ноль пять и вернулись в две двенадцать. Откуда знаете?

Он провёл языком по губе.

— Посмотрел перед выходом.

— Утром вы сказали, что на часы не смотрели.

— Я не сразу вспомнил.

— Что помогло вспомнить?

— Телефон. У меня сообщение было.

— Покажите.

Савин достал аппарат. Экран был покрыт сетью тонких трещин. Он открыл переписку и нашёл сообщение без ответа: «Ты сегодня отдашь хоть часть?» Время — 02:04.

Имя отправителя было записано одной буквой «В».

— Кто это? — спросил Котов.

— Знакомый.

— Фамилия?

— Не относится к делу.

— Это определим не вы.

Савин погасил экран.

— Виктор Петрович.

Котов посмотрел на Анну, но она продолжала смотреть на свидетеля.

— Арсеньев написал вам, находясь в доме? — спросила она.

— Видимо.

— Почему он спрашивал о деньгах?

— Я занимал. Давно. Возвращаю понемногу.

— Сколько?

— Это личное.

— Сообщение пришло за минуту до вашего выхода, после того как Арсеньев вошёл в подъезд, — сказал Котов. — Теперь это часть проверки ваших показаний.

Савин сжал телефон.

— Сто восемьдесят тысяч осталось.

— На что занимали?

— Мать лечили. Операция в области. Я не хочу, чтобы это было в домовом чате.

— Следствие не ведёт домовой чат.

Савин усмехнулся без радости.

— А кто ведёт? Они уже написали, что я катал Виктора Петровича на тележке. Соседка прислала скриншот. Мать тоже в этом доме живёт.

Анна вспомнила слова Дениса у бюро и увидела цену его поспешности не в отвлечённой «репутации», а в красных глазах человека, которому теперь приходилось одновременно объяснять отсутствие и скрывать долг.

— Вы вышли после сообщения, чтобы не встречаться с Арсеньевым? — спросила она.

— Да.

— Почему семь минут?

— В две двенадцать позвонили с квартиры двести четыре. У них курьер не мог войти через шлагбаум. В журнале вызовов должно быть.

— Где журнал?

— На рабочем компьютере. Там программа сохраняет звонки с домофона.

Котов попросил помощника проверить запись до дальнейшего опроса. Савин стоял под навесом без куртки, но будто не замечал холода.

— Пока вы были здесь, слышали лифт? — спросила Анна.

— Дверь закрыта. Здесь контейнеры гремят, вытяжка. Не слышал.

— Видели кого-нибудь?

— Нет.

— Белый фургон?

— Он часто приезжает ночью. Водитель развозит продукты из круглосуточного склада. Оставляет ящики у подъездов.

— В эту ночь видели?

— Когда вышел, фургон стоял у арки. Фары были выключены.

— Водителя?

— Нет.

— Почему не сказали утром?

Савин прикрыл глаза.

— Потому что тогда пришлось бы сказать, зачем я вышел. А я думал, Виктор Петрович просто поднялся домой. Когда его нашли, я испугался, что долг сделает меня виноватым.

— Долг не делает вас виноватым, — сказала Анна. — Ложь делает ваши слова менее надёжными. Это разные вещи.

— Для дома уже нет.

Они вернулись в холл. Помощник Котова подтвердил: в журнале домофона был вызов из квартиры двести четыре в 02:12:31, длительность сорок восемь секунд. Запись не доказывала, что Савин всё время между сообщением и вызовом провёл под навесом, но объясняла обе границы названного промежутка.

Котов изъял копию переписки и журнал вызовов. Савин подписал протокол, долго читая каждую строку. Анна не торопила его.

— Тележку брали ночью? — спросил Котов после подписи.

— Когда я вернулся, она стояла у стены.

— В том же положении?

— Не знаю.

— Ручка была поднята?

— Обычно она поднята. Если опустить, проход загораживает.

— Платформа мокрая?

— Не смотрел.

— Кто мог взять?

— Любой из жильцов. Дверь открывается брелоком. Доставщикам открывают из квартир. Тележка не на замке.

— А ключи от непроданных квартир?

Савин указал на металлический шкаф под столом.

— Здесь комплект для показа. Но вчера риелтор не сдала ключ от девяносто шестой. Я ей писал.

Тихонов, услышав это, поднялся с дивана.

— Ключи выдаются отделом продаж, а не управляющей компанией. Мы за них не отвечаем.

— Домофон и шкаф находятся у вашего сотрудника, — сказал Котов. — Сейчас составим опись.

Юрист снова открыла папку.

— Прошу отметить, что помещение консьержа доступно представителям застройщика.

— Отметим. И список представителей приложите.

Анна подошла к лифтам. Опечатанная кабина грузового лифта стояла на первом этаже с открытыми дверями. Павел работал внутри вместе со вторым криминалистом. Синий мат закрывал заднюю стену. Простёжка образовывала ромбы, но контактный след на пальто был слишком слаб, чтобы радоваться внешнему сходству.

— Нить с оборванного края по цвету подходит, — сказал Павел. — Под микроскопом будет видно строение. На нижней кромке есть серый ворс. Возможно, от одежды, возможно, от сотни диванов.

— Смывы взяли до того, как мат двигали?

— Да. Всё по порядку.

Анна присела у порога. На рифлёной металлической полосе сохранилась светлая пыль, в углах — чёрные резиновые крошки. Сама кабина была сухой. В коридоре тёплый пол уже высушил следы утренней воды, кроме участков под колёсами тележки.

— Электрик открыл шкаф управления, — продолжил Павел. — Сервисный журнал есть. Время отстаёт на одиннадцать минут. Если поправить, ночью грузовой лифт делал три поездки. В ноль сорок шесть — с первого на шестой. В два двадцать семь — с шестого на минус первый. В четыре пятьдесят одна — с минус первого на первый.

Котов подошёл ближе.

— В два двадцать семь кто-то спустился с шестого в паркинг.

— Или вызвал пустую кабину, — сказала Анна. — Журнал фиксирует движение, не пассажира.

— Но девяносто шестая квартира на шестом этаже, — напомнил он.

Тихонов услышал и быстро повернулся к юристу. Та ничего не сказала, только записала время.

— Кто имеет доступ в паркинг из лифта? — спросил Котов.

— Все жильцы с картой, — ответил Тихонов. — Для выхода карта не нужна. Для вызова с минус первого нужна.

— А в два двадцать семь кабину вызвали с шестого. Значит, карта не требовалась.

— Если часы вообще верные.

— Электрик подтвердит поправку.

Анна осмотрела металлическую направляющую у двери. На высоте колена был свежий светлый мазок. Он мог появиться от упаковки мебели. Дом жил, лифт использовали постоянно, и каждая поверхность хранила десятки чужих историй. Нужная отличалась не тем, что выглядела подозрительно, а тем, что совпадала по нескольким независимым признакам и времени.

— Девяносто шестую квартиру опечатали? — спросила она.

— Группа ждёт представителя собственника, — ответил Котов. — Ольга Мельник едет с ключом.

— Тем самым, который не сдала?

— Говорит, забыла в сумке после вечернего показа.

Из-за входной двери донёсся шум. В холл вошли трое жильцов, впереди — женщина в зелёном пуховике, та самая Елена Митина, нашедшая тело. Она держала распечатанный лист.

— Мы хотим знать, безопасно ли находиться в доме, — сказала она. — Убийца мог пройти через подъезд. Камеры не работают. Управляющая компания скрывает информацию.

Тихонов шагнул к ней.

— Елена, не мешайте следственным действиям.

— Я вам не Елена. Вы три месяца брали деньги за видеонаблюдение.

За её спиной мужчина поднял телефон.

— Анна Сергеевна, это правда, что вы уже ошибались в причине смерти? — спросил он.

Котов встал между жильцами и лентой.

— Освободите холл. Официальную информацию даст пресс-служба.

— Мы здесь живём, — возразил мужчина. — Это наш холл.

Он продолжал снимать Анну.

— В статье написано, что из-за вашего заключения человека почти посадили. Почему вас допустили к этому делу?

Анна узнала фотографию на распечатке. Семь лет назад её снимали на ступенях областного суда. Она тогда отвернулась от вспышки, и в газете это выглядело как попытка спрятать лицо.

— Отойдите от места осмотра, — сказал Котов.

— Пусть ответит.

Анна могла пройти мимо. Это было бы правильно с точки зрения расследования: коридор жилого дома не место для обсуждения старого дела. Но молчание уже истолковали бы как признание именно той версии, которую выложил Денис.

— Семь лет назад я дала предварительный вывод о высоте падения до получения всех измерений с места, — сказала она. — Когда появились новые данные, я исправила заключение. Обвинение строилось не только на моей экспертизе, но моя ошибка могла ему повредить. Поэтому сейчас я не называю установленным то, что только проверяется.

Мужчина чуть опустил телефон.

— Вас наказали?

— Было служебное разбирательство. Мне объявили выговор.

— И вы продолжили работать?

— Да.

— А человека оправдали?

— Дело вернули на дополнительное расследование. Позже обвинение сняли после появления другой записи с парковки.

Он снова поднял телефон.

— То есть, если бы записи не было, он мог сесть из-за вас?

Вопрос ударил ровно туда, куда был рассчитан, хотя мужчина, вероятно, не рассчитывал ничего. Он просто искал простой ответ.

— Мой ранний вывод помог следствию выбрать неверную версию, — сказала Анна. — Именно поэтому я исправила его официально, а не стала защищать свою репутацию.

— И теперь вы опять не знаете, где убили человека.

— Пока не знаю.

Кто-то за спиной Елены тихо произнёс: «Вот вам и специалист из области».

Анна почувствовала, как старое желание оправдаться поднимается до горла. Ей хотелось рассказать про неверную рулетку на месте, про снимки, присланные без масштаба, про следователя, который в заключении заменил «не исключается» на «соответствует». Всё это было правдой. Но главная правда оставалась проще: она подписала предварительный вывод раньше, чем имела право.

— Освободите проход, — повторил Котов. — Сейчас.

Елена Митина первой сделала шаг назад.

— Я нашла Виктора Петровича, — сказала она уже тише. — Я хочу, чтобы вы не ошиблись.

— Я тоже, — ответила Анна. — Для этого мне нужно работать, а вам — не входить за ленту и не пересылать непроверенные обвинения.

Мужчина выключил запись. Жильцы разошлись неохотно, оставив распечатку на диване. Тихонов поднял её двумя пальцами и положил на стойку.

— Это Денис разослал, — сказал он. — Очень ответственный человек.

— Вас сейчас беспокоит не моя старая ошибка, — ответила Анна. — Вас беспокоит, что мы идём в непроданную квартиру.

Борода Тихонова дрогнула.

— Меня беспокоит репутация дома.

— Человек умер. У дома переживаний нет.

Юрист положила ладонь ему на локоть, и он замолчал.

Ольга Мельник приехала через двадцать минут. Она была в светлом пальто и держала связку ключей на красной ленте. Увидев ленту у лифта, замедлила шаг.

— Я не понимаю, почему столько полиции, — сказала она. — Квартира пустая.

— Когда был последний показ? — спросил Котов.

— Вчера в половине восьмого. Молодая пара. Ушли около восьми.

— После этого вы заходили?

— Нет.

— Почему не сдали ключ?

— Забыла. У меня три объекта подряд.

— Кто ещё имеет комплект?

— Начальник отдела продаж и техслужба. Если авария.

— Максим Чернов?

Ольга посмотрела на Тихонова.

— Он подрядчик. У него раньше был мастер-ключ на время работ, но дом сдан.

— «Раньше» — это до какой даты?

— Не знаю. Спросите техслужбу.

Поднялись по лестнице: пользоваться грузовым лифтом было нельзя, а пассажирский Павел попросил временно оставить без новых следов. На шестом этаже воздух был теплее, чем в холле. Коридор освещали круглые потолочные лампы. Перед дверью квартиры девяносто шесть лежал чистый коврик с рекламой застройщика.

Анна остановилась в двух шагах.

— Сначала дверь и пол вокруг.

Павел снял общий вид. На светлом ламинате коридора виднелись обычные потёртости, но у порога лежала тонкая полоска белой пыли. Коврик был сдвинут вправо. Под ним сохранился прямоугольник чистого пола.

— Здесь убирали сегодня? — спросил Котов.

Тихонов ответил после паузы:

— По графику уборка этажей с девяти.

— Уборщица была на шестом?

— Нужно уточнить.

Ольга вставила ключ. Павел остановил её до касания замка, сфотографировал ручку и цилиндр, затем взял смывы. Только после этого дверь открыли.

Квартира пахла новой штукатуркой и сладким ароматизатором. В прихожей стояла стойка с буклетами. На кухне блестели искусственные фрукты, на диване лежал плед, сложенный слишком ровно для настоящей жизни. Это была не просто пустая квартира, а декорация будущего уюта.

Пол казался чистым.

Анна вошла по защитной дорожке и присела возле стены. В щели между плинтусом и ламинатом лежала сухая белая пыль. На открытом участке её недавно собрали. Возле шкафа остался полукруглый след от колеса.

— Чем здесь убирали после показа? — спросила она.

Ольга побледнела.

— Ничем. Уборка перед каждым показом утром.

— Вчера утром?

— Да.

Павел направил косой свет вдоль пола. На ламинате проявились широкие разводы. Кто-то протёр его влажной тканью, но не дошёл до плинтусов. В гостиной один стул стоял отдельно от стола. На его ножке зацепилась синяя нить.

Котов посмотрел на Анну.

— Сухое помещение.

— Одно из многих, — сказала она, хотя сердце уже стало биться быстрее. — Фиксируем всё по порядку.

В спальне следов уборки почти не было. Зато у окна лежал обломок огнестойкой плиты с заводской маркировкой. Рядом стояла раскрытая картонная коробка, пустая внутри. На под-

оконнике обнаружились два пластиковых пакета для образцов, один новый, второй со срезанным уголком.

— Такие же, как у Арсеньева? — спросил Котов.

— Похожий размер. Сравним швы и материал.

На полу за дверью Павел нашёл смятую салфетку с серым налётом. Она была сухой по краям, но в середине оставалось влажное пятно. Уборка произошла не утром: в тёплой квартире салфетка успела бы высохнуть.

— Окна не открывали? — спросила Анна.

— Я нет, — ответила Ольга.

Балконная дверь была заперта. Температура в комнате — двадцать три градуса. Павел записал показание.

Из коридора позвал помощник Котова. Он нашёл на лестничной площадке камеру жильца — дверной глазок с записью. Устройство смотрело на лифтовой холл. Хозяин квартиры был на работе и согласился передать архив через приложение.

— Вот вам и дом без камер, — сказал Котов.

Тихонов побледнел сильнее Ольги.

— Частная камера не имеет отношения к системе дома.

— Зато может иметь отношение к ночи.

Архив загрузился на телефон хозяина через несколько минут. Камера включалась от движения и снимала коридор кусками. В 01:56 дверь грузового лифта открылась. Из кабины вышел Виктор Арсеньев с чёрной папкой под мышкой. Он был один. Пальто на нём выглядело сухим или почти сухим. Арсеньев подошёл к девяносто шестой квартире, достал что-то из кармана и скрылся за пределами обзора.

Следующая запись начиналась в 02:18. В кадре появился мужчина в тёмной рабочей куртке. Лица не было видно: он шёл от лестницы спиной к камере. На плече светилась полоса светоотражающей ткани. Мужчина остановился у двери девяносто шестой квартиры и наклонился к замку.

Запись оборвалась.

В 02:29 грузовой лифт открылся. В кадре никого не было, но через несколько секунд в кабину медленно въехала ручка платформенной тележки. Остальная часть оставалась ниже края обзора. Тележку толкал человек в той же тёмной куртке. Его лицо закрывал поднятый воротник. Двери сомкнулись.

В холле никто не говорил.

Анна попросила запустить отрывок снова. Потом ещё раз. На третьем просмотре она заметила, что правое колесо тележки оставляло светлый полукруг у порога лифта.

— Исходный файл изъять с устройства владельца, — сказал Котов. — Не пересылку из мессенджера.

— И проверить время камеры независимо, — добавила Анна. — Сравнить с текущим временем и сервером приложения.

— Но это он, — прошептала Ольга. — Максим Чернов. У него такая куртка.

— Куртка не лицо, — сказала Анна.

— Я выдавала ему ключи ещё на прошлой неделе. Он сказал, будет устранять замечания перед показом.

Котов повернулся к ней.

— Вы только что сказали, что у него раньше был ключ, но дом сдан.

— Я думала, он вернул. То есть должен был вернуть. У техслужбы список.

Юрист закрыла папку. Тихонов смотрел на искусственные яблоки в вазе.

Анна прошла в прихожую и посмотрела на чистый пол. Теперь у следствия была запись, тележка и человек в рабочей куртке. Этого хватало, чтобы направление расследования стало

яснее, но не хватало, чтобы назвать всё произошедшее. Видео не показывало, что лежало на платформе. Не показывало удара. Не показывало лица. И не объясняло, как тело оказалось во дворе спустя почти три часа.

Телефон Котова зазвонил. Он выслушал короткое сообщение и включил громкую связь.

— Повторите.

Голос помощника из холла звучал с помехами.

— Денис Арсеньев опубликовал фотографию Чернова. Подписал: «Вот человек, который вывез отца на тележке». Адрес подрядчика уже расходится по чату.

Котов выругался сквозь зубы.

— Откуда у него фамилия?

Анна посмотрела на Ольгу. Та отвела глаза.

— Я написала начальнику, — сказала она. — Только начальнику отдела продаж. Что полиция нашла Чернова на записи.

— Полиция не нашла Чернова на записи, — отрезал Котов. — Мы нашли человека в похожей куртке без видимого лица.

Анна почувствовала, как дело ускоряется быстрее доказательств. Старую газетную статью уже использовали против неё. Слабую запись уже превратили в имя. Долг Савина — в мотив убийства. Каждый найденный факт становился чужим готовым приговором раньше, чем его успевали проверить.

Она снова посмотрела на кадр с тележкой.

— Найдите Чернова раньше жильцов, — сказала она. — Не только для допроса. Теперь ему может угрожать опасность.

Котов уже звонил дежурному.

За окном демонстрационной квартиры серый двор казался плоским и маленьким. С шестого этажа были видны скамейка, арка и все камеры под козырьками. Ни одна из них не сохранила ночь. Но один частный глазок записал несколько секунд, и город немедленно решил, что увидел всё.

Анна знала цену такой уверенности лучше остальных.

Семь лет назад ей хватило одной неверной высоты, чтобы направить дело не туда. Сейчас она вернулась домой специалистом, от которого требовали безошибочности, и женщиной, чью ошибку помнили лучше всех исправлений.

На этот раз она не собиралась выбирать между молчанием и удобной уверенностью.

— Павел, — сказала Анна, — начинаем с пола. Каждый участок отдельно. Нам нужно доказать, что произошло в этой квартире, а не подтвердить то, что уже написал Денис.

Глава 4. Сын, который не ждёт

Денис Арсеньев стоял у ворот строительной базы, когда патрульная машина свернула с шоссе на разбитую дорогу. Снег здесь не убирали. Колёса фур раздавили его в серые колеи, а между ними замёрзла грязная вода. За сетчатым забором темнели штабеля плит, бытовки и жёлтый кран с опущенной стрелой.

Анна увидела Дениса раньше, чем он заметил их машину. Он держал телефон перед собой и говорил в камеру. Рядом толпились четверо мужчин из жилого комплекса. Одного Анна узнала: утром он требовал открыть опечатанный грузовой лифт, потому что ждал доставку шкафа. Теперь в его руке была короткая монтировка.

Котов резко затормозил.

— В машине, — сказал он Анне.

— Если Чернов внутри, вам понадобится человек, который сможет понять его объяснение про повреждения.

— Если эти четверо полезут через ворота, мне понадобится ещё один наряд.

Он уже вызывал подкрепление. Патрульные вышли первыми и встали между воротами и жильцами. Денис повернул телефон на машину следователя.

— Наконец-то, — сказал он в запись. — Полиция приехала только после того, как мы сами нашли убийцу.

Котов подошёл к нему и закрыл объектив ладонью.

— Прекратите съёмку. Отойдите от ворот.

— Это общественное место.

— Вы опубликовали адрес человека, чья причастность не установлена, и привели сюда людей. У одного из них железная палка.

Мужчина со шкафом опустил монтировку за ногу.

— Это для машины, — сказал он. — Колесо отбить, если примёрзнет.

— Положите на землю.

— Я ничего не сделал.

— Тогда положить будет легко.

Мужчина нехотя бросил монтировку в снег. Второй патрульный отвёл жильцов к обочине. Денис не двигался. Его лицо после бессонной ночи стало серым, под глазами проступили тёмные полукружья, но голос оставался ровным и громким. Он обращался не к Котову, а к тем, кто смотрел прямую трансляцию.

— На записи видно, как Чернов везёт моего отца на тележке. Следствие знает об этом и скрывает имя.

— На записи не видно Чернова, — сказала Анна, выходя из машины.

Котов бросил на неё сердитый взгляд, но спорить при включённом телефоне не стал.

Денис развернулся.

— Риелтор его узнала.

— Риелтор увидела рабочую куртку со светоотражающей полосой. Такие куртки лежат в каждой второй бытовке за этими воротами.

— И ключ от квартиры был у него.

— Когда-то был. Мы проверяем, вернул ли он ключ, кто ещё мог взять комплект и каким замком пользовались ночью.

— Пока вы проверяете, он уничтожит всё остальное.

— Поэтому вы привели людей с монтировкой?

Денис на секунду посмотрел на мужчину у обочины. В его взгляде мелькнуло не раскаяние, а раздражение из-за плохо выбранного помощника.

— Я никого не звал. Я написал, куда еду. Они решили сами.

— Так работает призыв, если у него нет слова «приходите», — сказала Анна. — Вы назвали человека убийцей, дали адрес и показали ворота.

Он опустил телефон, но трансляцию не выключил.

— Моего отца вывезли на тележке. Вы сами это видели.

— Я видела тележку. Содержимое платформы закрыто краем кадра. Я видела человека в куртке. Лица нет. Если я назову больше, чем позволяет запись, я совру вам.

— Вы уже однажды ошиблись и теперь боитесь любого вывода.

Слова попали точно туда, куда он целился. Анна почувствовала старое желание немедленно доказать, что перед ним не та молодая экспертка из газетной заметки. Желание было почти физическим: шагнуть ближе, перечислить все найденные признаки, сложить их в стройную версию и заставить Дениса замолчать.

Она не сделала этого.

— Да, — сказала Анна. — Поэтому я знаю, сколько стоит вывод, сделанный раньше проверки.

Денис явно ждал оправдания и не сразу нашёл ответ.

Котов воспользовался паузой.

— Удалите публикацию с адресом. Запись сохраните, телефон не очищайте. Вы будете опрошены о том, откуда получили сведения из квартиры.

— Я не обязан отдавать вам телефон.

— Я пока не прошу отдавать. Я требую не мешать следственным действиям и не провоцировать нападение. Дальше оформим всё как положено.

Из сторожки вышел пожилой охранник в камуфляжной куртке. Он держал руки на виду и не приближался к воротам.

— Максима нет, — крикнул он. — И с ночи не было.

Котов подошёл к сетке.

— Когда видели в последний раз?

— Вчера после обеда. Уехал на объект. Машина его здесь.

За бытовкой стоял тёмно-зелёный универсал, припорошенный снегом. Анна посмотрела на Дениса. Тот уже поднял телефон и направил его через сетку.

— Видите? — сказал он своим зрителям. — Машину бросил и скрылся.

— Или уехал на служебном фургоне, — ответила Анна. — Или его забрали. Или он оставил машину из-за поломки. У нас пока нет ответа.

— У вас никогда нет ответа.

— У нас будут ответы, которые выдержат проверку.

За спиной Дениса кто-то произнёс: «В комментариях пишут, его жена живёт на Южной». Котов мгновенно повернулся к жильцам.

— Кто это сказал?

Молодой мужчина в синей шапке спрятал телефон в карман.

— Просто прочитал.

— Никто никуда не едет. Адрес не повторять, не пересылать. Патруль сейчас проверит, кто приехал на каких машинах.

Денис наконец выключил трансляцию.

— Его жену никто не тронет.

— Вы не можете этого обещать, — сказал Котов. — Вы уже не управляете тем, что начали.

Вторая патрульная машина показалась на повороте. Вместе с ней приехал участковый, знавший владельца базы. Пока оформляли доступ и ждали представителя компании, Котов

отвёл Дениса к машине. Анна осталась у ворот. Сквозь сетку она видела, как охранник звонит начальству, прикрывая рот ладонью от ветра.

Один из жильцов тихо поднял монтировку из снега.

— Оставьте, — сказала Анна.

— Она моя.

— Патрульный разрешит — заберёте.

— Мы вообще-то помочь хотели.

— Кому?

Мужчина пожал плечами.

— Денису. Отца убили, а все ходят с папками.

— Если бы Чернов вышел к воротам, чем бы вы помогли?

Он посмотрел на монтировку и отвёл глаза.

— Поговорили бы.

Анна представила этот разговор: четверо разъярённых людей, один названный убийца, телефон в прямом эфире. В лучшем случае Чернов получил бы травмы. В худшем — кто-то навсегда лишился бы возможности рассказать, что произошло ночью.

— Следствию нужен живой человек, который может отвечать на вопросы, — сказала она. — И вам тоже, если вы действительно хотите узнать правду.

Мужчина больше не спорил.

Представитель компании прибыл через двадцать минут. На нём было дорогое пальто, совсем не подходившее для базы, и строительная каска без единой царапины. Он открыл ворота, потребовал вписать в протокол, что доступ предоставлен добровольно, и сразу позвонил юристу.

Дениса оставили с участковым у машин. Анна прошла внутрь вместе с Котовым и криминалистом. Павел остался в демонстрационной квартире, поэтому осмотр поручили его коллеге Сергею Бурову — молчаливому мужчине с густыми бровями, который сначала фотографировал, а потом задавал вопросы.

Рабочее место Чернова находилось во второй бытовке. На двери висела белая табличка «Прораб». Внутри стояли стол, два металлических шкафа и электрический чайник. На спинке стула висела тёмная куртка со светоотражающей полосой.

Представитель компании шумно вдохнул.

— Вот его куртка.

— Одна из курток, — сказала Анна.

На вешалке у входа висели ещё три почти такие же. Отличались ширина полосы, цвет молнии и пятна раствора. Буров разложил рядом масштабную линейку, снял каждую вещь со всех сторон и упаковал отдельно.

В шкафу Чернова лежали каска, перчатки, рулетка, папки с актами и связка ключей. Котов вызвал техника, чтобы тот сверил ключи с цилиндром демонстрационной квартиры без пробных поворотов на месте. В нижнем ящике обнаружили упаковку серых строительных салфеток. Такие продавались в любом магазине, но край материала и состав пропитки можно было сравнить с салфеткой, найденной за дверью квартиры.

— Уже достаточно? — спросил представитель компании. — Вы искали связь с квартирой — вот ключи и салфетки.

— Достаточно для изъятия, — ответил Котов. — Не для вывода.

Анна осмотрела подошвы рабочих ботинок. В глубоких прорезях застряла белая крошка, похожая на соль, и серый материал. Но ботинки были сухими и покрыты пылью сверху. Если Чернов ходил в них ночью по мокрому двору, после этого их тщательно сушили или он надевал другую обувь.

На столе лежал журнал работ. Последняя запись была сделана вчера: «ЖК “Северный двор”, шестой этаж, замечания по нишам, 18:30». Под ней стояли инициалы М. Ч. В соседней графе значился водитель Виктор Лапшин и белый фургон с номером, последние цифры которого совпадали с машиной ночной доставки, записанной охранником комплекса.

— Вот ваш фургон, — сказал представитель компании. — Он возит материалы. Это не преступление.

— Где Лапшин? — спросил Котов.

— На больничном.

— С какого дня?

— Не знаю. Отдел кадров скажет.

— Фургон где?

Представитель посмотрел в окно на ряды машин и впервые утратил уверенность.

— Должен быть здесь.

На базе белого фургона не оказалось.

Котов позвонил дежурному и передал номер. Затем сфотографировал журнал и попросил изъять его целиком. Буров нашёл в мусорной корзине смятый лист с перечнем недостатков шестого этажа. В верхней части стоял номер квартиры девяносто шесть, ниже — «ниша стояка, заменить лист, закрыть шов». Рядом ручкой было приписано: «В. А. опять лезет сам».

— Кто такой В. А.? — спросил Котов.

Представитель компании не ответил.

— В доме был ещё кто-нибудь с такими инициалами?

— Не знаю.

— Вы пять минут назад знали назначение каждой салфетки.

— Я предположил.

Анна посмотрела на приписку. Фраза показывала раздражение и знакомство с действиями Арсеньева, но не доказывала угрозу. Она попросила Бурова упаковать лист так, чтобы сохранить возможные следы пальцев и нажим с предыдущих страниц.

В телефоне Котова появилось сообщение. Он прочитал и сжал челюсть.

— Адрес жены Чернова уже в общем чате. Патруль приехал вовремя. Под дверью двое жильцов, снимают площадку.

Представитель компании перекрестился.

— Вы говорили, этот Денис снаружи?

— Он снаружи. Его публикация — везде.

Анна вышла из бытовки. Ветер гнал по базе мелкую снежную крупу. За воротами Денис разговаривал с участковым, но смотрел на дверь прорабской. Он увидел Анну и шагнул навстречу.

— Нашли куртку?

— Осмотр продолжается.

— Она такая же?

— Есть несколько похожих.

— У него был ключ?

— Я не буду перечислять изъятое до проверки.

— Значит, был.

— Это значит только то, что я сказала.

Денис усмехнулся.

— Вы умеете не отвечать.

— А вы умеете получать нужный ответ из любой фразы. Из-за опубликованного вами адреса у квартиры жены Чернова уже стоят люди.

Улыбка исчезла.

— Я адрес жены не публиковал.

— Вы опубликовали его имя, фотографию, место работы и назвали убийцей. Остальное нашли без вас.

— Я сейчас напишу, чтобы разошлись.

— Напишите. И удалите первый пост.

Он открыл приложение. Пальцы быстро забегали по экрану. Анна смотрела, как под новой записью сразу появляются ответы. Один пользователь спрашивал, заплатили ли Денису за молчание. Другой предлагал ехать не к жене, а к директору подрядчика. Третий выложил снимок зелёного универсала за сеткой и написал, что Чернов бросил машину перед побегом.

Денис удалил адрес из комментариев, но через секунду кто-то разместил его снова.

— Я не могу удалять чужие сообщения из общего чата, — сказал он.

— Теперь понимаете?

— Понимаю, что люди мне верят, потому что полиция молчит.

— Они верят самой простой версии. Это не одно и то же.

— А какая у вас сложная версия? Отец сам лёг на тележку?

Анна приблизилась, чтобы разговор не слышали жильцы.

— Ваш отец вошёл в квартиру живым. Это видно. Затем к двери пришёл человек в рабочей куртке. Позже тележку ввезли в лифт. Между этими событиями есть промежутки, которых запись не показывает. Мы ещё не знаем, кто открыл дверь второму человеку, что произошло внутри, что было на тележке, кто вызвал лифт с минус первого и кто перенёс тело во двор. Если схватиться за первое имя, остальные участники получат время уничтожить следы.

Денис молчал. Анна увидела, что последняя фраза подействовала. Не опасность невиновному, не закон и не её профессиональная осторожность — возможность помочь настоящему виновному.

— Остальные? — спросил он. — Вы думаете, их было несколько?

— Я думаю, что один человек мог не справиться с переносом. Но это пока только вопрос, а не вывод.

— Отец весил семьдесят килограммов. Чернов крупный.

— Тележку нужно было провести через дом, спустить в паркинг, затем вернуть тело во двор. Кто-то мог помочь. Кто-то мог только открыть дверь. Кто-то мог увидеть часть пути и промолчать. Ваши публикации предупреждают каждого из них о том, что мы нашли.

Денис убрал телефон в карман.

— Если бы вы сразу рассказали мне про запись, я бы не узнал от Ольги.

— Если бы Ольга не переслала непроверенную догадку, вы бы не отправились сюда с толпой.

— Не перекладывайте на неё. Это я написал.

Впервые за весь день он взял ответственность без оговорки. Анна заметила это, но не стала смягчать ответ.

— Тогда вы и исправляйте.

Денис написал ещё одно сообщение. На этот раз без обвинений: «Не ездите по адресам Чернова и его семьи. Не мешайте полиции. Всё, что удалось сохранить, передам официально». Он закрепил запись в своём канале и выключил комментарии.

— Первый пост удалите, — повторила Анна.

— Нет.

— Почему?

— Потому что тогда исчезнет время публикации. И все решат, что меня заставили.

— Сделайте снимок для себя и удалите.

— Нет. Я добавлю, что личность человека на записи не подтверждена.

Это было меньше, чем требовалось, и больше, чем он был готов сделать пять минут назад. Котов решит, достаточно ли этого с точки зрения закона. Анне важнее было остановить поездки по адресам.

— Что вы собирались передать официально? — спросила она.

Денис посмотрел на бытовку, затем на полицейских.

— Папка отца пропала. Но он не носил единственный экземпляр.

— Где копии?

— Не знаю.

— Вы только что написали, что всё удалось сохранить.

— Я сохранил фотографии из его телефона. Он присылал мне не все. Последние две недели почти ничего не отправлял, говорил, что сначала надо собрать цепочку целиком.

— Какую цепочку?

— Акты по противопожарным перегородкам. В бумагах один материал, в стенах другой. Он ходил по техническим нишам и отмечал места, где можно достать образец без разрушения квартиры.

Эти сведения совпадали со списком из кармана Арсеньева и обломком плиты в демонстрационной квартире.

— Почему вы не передали фотографии утром?

— Передал часть Котову.

— Часть?

— Там много личного.

— Вы обвиняете свидетеля в сокрытии долга, а сами выбираете, какие материалы показывать.

Денис отвернулся к воротам.

— У отца были отношения. Возможно. Я не хотел тащить женщину в это дело, пока не пойму, связано ли.

— Имя.

— Не знаю имени. В телефоне она записана «Л». Переписка удалена, остались уведомления на часах. Последнее — вчера в двадцать три сорок: «Не ходи один».

Анна почувствовала, как расследование снова меняет ширину. Буква могла означать женщину, коллегу, соседа, фамилию или название группы. Денис уже построил вокруг неё историю отношений.

— Где часы?

— Дома. Я зарядил их, чтобы посмотреть уведомления. Пароль тот же, что на телефоне отца.

— Вы изменяли данные? Отвечали, открывали приложения, подключали к сети?

— Только зарядил и листал экран.

Котов подошёл так тихо, что Денис вздрогнул.

— Сейчас едем за часами, — сказал следователь. — Вы ничего больше не трогаете. Передадите устройство добровольно или оформим изъятие.

— Я поеду с вами.

— Поедете отдельно с участковым.

— Я не оставлю вас в квартире отца без меня.

— Квартира опечатана. Часы, по вашим словам, у вас дома.

Денис посмотрел на Анну, будто ожидал поддержки.

— Сделайте, как он говорит, — сказала она. — И принесите исходные фотографии, не снимки экрана и не пересланные копии.

— Они в облаке.

— Тогда сохраните доступ и ничего не редактируйте.

Котов велел участковому записать время и содержание разговора. Осмотр базы продолжался ещё час. В шкафу Чернова нашли накладные на огнестойкие плиты двух разных марок. Одна значилась в актах, вторая была дешевле и имела иной состав наполнителя. На складе дорогого материала почти не осталось, хотя по документам им должны были закрыть весь дом. Эти бумаги давали Арсеньеву причину конфликтовать с подрядчиком, но пока не отвечали, кто нанёс удар.

Белый фургон обнаружили на стоянке у круглосуточной автомойки. Камеры мойки работали, однако въезд машины пришёлся на участок, закрытый рекламным щитом. Фургон оставили в 05:06. Человек в капюшоне положил ключи под коврик и ушёл к остановке. Запись обещали изъять до конца смены.

Чернов на звонки не отвечал. Его телефон последний раз появился в сети около трёх ночи возле жилого комплекса, затем был выключен. Жена сообщила патрульным, что муж не приходил домой и утром прислал короткое сообщение с неизвестного номера: «Я жив, не открывай никому». Сам номер уже не обслуживался.

Когда Анна вернулась к машине, Дениса у ворот не было. Участковый увёз его за часами. Жильцы разошлись, оставив в снегу следы и смятый бумажный стакан. Монтировка лежала в багажнике патрульной машины до окончания проверки.

Котов сел за руль, но не заводил двигатель.

— Он нам ещё всё дело разнесёт, — сказал он.

— Или принесёт то, чего не успели уничтожить.

— Ты его защищаешь?

— Нет. Он опасен именно потому, что иногда находит полезное.

Котов посмотрел на неё.

— Знакомое чувство?

— Слишком.

Семь лет назад Анна тоже считала, что полезный вывод искупает поспешность. Потом обнаружила, что ошибка умеет двигаться сама: из справки — в постановление, из постановления — в газетный заголовок, из заголовка — в чужую уверенность. Исправление всегда шло медленнее.

Телефон Котова подал сигнал. Участковый прислал фотографию умных часов Арсеньева в прозрачном пакете. Под ней было сообщение: «Изъято добровольно. Денис передал внешний диск с фото. Утверждает, что есть ещё копия у неизвестного адресата».

Почти сразу пришло второе сообщение, уже из общего чата комплекса. Денис опубликовал новый текст: «Я передал следствию архив отца. Если со мной что-то случится, копия будет обнародована».

Котов закрыл глаза.

— Он не умеет ждать даже пять минут.

— Для него ожидание похоже на бездействие, — сказала Анна. — А бездействие — на предательство отца.

— Это объяснение, не оправдание.

— Да.

Она посмотрела на ворота базы. За сеткой Буров выносил упакованные куртки. Четыре почти одинаковые тёмные фигуры покачивались в прозрачных чехлах. На записи из дома была только одна. Денис уже дал ей имя, город — адрес, а неизвестный человек тем временем успел бросить фургон, выключить телефон и предупредить жену.

Анна открыла блокнот и записала три отдельные строки: кто был в куртке; что было на тележке; кто вывез фургон. Не один вопрос, а три. Пока они не сошлись на одном человеке независимо друг от друга, имя Чернова оставалось версией.

— В бюро? — спросил Котов.

— Сначала за исходными файлами с часов. Потом сверим время глазка, лифта, домофона и фургона. Семь минут Савина должны быть настоящими минутами, а не четырьмя разными часами.

Котов завёл двигатель.

На выезде с базы их остановил звонок дежурного. Максим Чернов сам позвонил с уличного автомата у автовокзала. Он требовал адвоката и охрану до встречи со следователем. Сказал, что не убивал Арсеньева, но знает, кто помог вынести его из квартиры. Имени по телефону не назвал.

Денисов пост уже сделал ожидание опасным для всех. Теперь им предстояло добраться до Чернова раньше людей, которые тоже прочитали адрес автовокзала в пересказе диспетчера.

Глава 5. Семь минут консьержа

Часы в комнате Котова показывали 18:43. На экране ноутбука было 18:44. Телефон Анны утверждал, что уже 18:45, а копия записи с дверного глазка — что человек в рабочей куртке вошёл в лифт через семь минут после этого.

— Если распечатать всё на одном листе, получится не расследование, а расписание пригородных автобусов, — сказал Котов.

Анна поставила рядом четыре бумажные полосы. На каждой была своя шкала времени: домофон, сервисный журнал лифта, камера-глазок и телефон Савина. Буров принёс из комплекса сетевой регистратор домофона и акт проверки. Павел вернулся из демонстрационной квартиры с копией архива частной камеры. Техник сидел у стены и по очереди объяснял, какие устройства сверяются с сетью, а какие живут по собственным часам.

— Домофон получает время с сервера раз в сутки, — сказал он. — Сегодня отставал на одну минуту сорок восемь секунд. Глазок хозяина квартиры сверяется через приложение, но только при выходе в интернет. Последняя удачная сверка была три дня назад. Сейчас спешит на две минуты двенадцать секунд. Лифт отстаёт на десять минут пятьдесят четыре секунды.

— Утром было одиннадцать минут, — заметила Анна.

— Округлили. Я снял точно по сигналу.

— Погрешность между ночью и сегодняшней проверкой?

Техник постучал карандашом по столу.

— У глазка может набежать несколько секунд. У лифта тоже. Запишем предел. Домофон стабильнее.

Котов провёл линию через шкалы.

После поправки Арсеньев появился на шестом этаже около 01:54. Неизвестный в куртке подошёл к квартире примерно в 02:16. Тележка вошла в лифт около 02:27. Домофонный вызов Савину пришёл примерно в 02:10:43 по точному времени.

Сообщение Арсеньева на телефоне Савина значилось в 02:04. Телефон синхронизировался с сетью автоматически и давал наиболее надёжную отметку. Но между сообщением и домофонным вызовом было не семь минут, а меньше семи. Сам Савин назвал округлённые границы после того, как увидел обе записи.

— Он не вспомнил время, — сказала Анна. — Он построил его задним числом.

— Это мы и так знали.

— Теперь знаем, из каких двух опор. Вопрос, что было между ними.

Павел раскрыл схему первого этажа. От стойки консьержа до служебного выхода — двенадцать шагов. Под навесом камера отсутствовала. Контейнерную площадку закрывала стена. Через калитку можно было выйти к арке, затем к въезду в паркинг. Быстрым шагом путь до ворот занимал меньше двух минут.

— За шесть минут можно добежать до паркинга и вернуться, — сказал Котов.

— Можно. Но нельзя одновременно принять вызов у стойки, если возвращение задержалось хотя бы на полминуты.

— Значит, он рассчитал.

— Или действительно курил и увидел вызов на рабочем экране сразу после возвращения.

Котов вздохнул.

— Ты опять даёшь ему удобный вариант.

— Я даю два проверяемых варианта.

Они начали с домофона. Вызов из квартиры двести четыре поступил на стойку и длился сорок восемь секунд. Жительница подтвердила, что просила открыть шлагбаум курьеру. Курьер сохранил историю маршрута в приложении. Его скутер остановился у въезда в 02:09:51

и проехал внутрь в 02:11:36. В приложении не было звука разговора, зато положение машины подтверждало, что шлагбаум открыли вовремя.

Рабочий компьютер консьержа записывал не только вызовы, но и нажатия кнопки открытия. Команда прошла в 02:11:28 точного времени. Значит, к этому моменту Савин находился у стойки или кто-то другой открыл шлагбаум вместо него.

— Кто мог сидеть здесь? — спросил Котов.

— Любой, кому он оставил доступ, — ответила Анна. — Сначала проверим, был ли второй человек.

Клавиатуру и мышь изъяли ещё утром. На них обнаружили множество смешанных следов: сменщики, уборщица, управляющий. Быстрой развязки они не давали. Но программа сохраняла пользователя. Команда открытия прошла под учётной записью Савина, которая не требовала повторного пароля в течение смены.

— То есть доказали, что нажали его мышью на его столе, — сказал Котов.

— И сузили время возвращения неизвестного к стойке.

Они поехали в комплекс уже в темноте. Во дворе зажглись фонари, отражаясь в мокром снегу. Камеры под козырьками по-прежнему смотрели на дорожки чёрными кругами. После утреннего скандала управляющая компания вывесила на каждой двери объявление: «Видеонаблюдение временно не осуществляется». Кто-то приписал маркером: «А деньги осуществляется?»

Савин ждал в комнате для собраний жильцов. Рядом сидела его мать — сухая женщина в синем платке. Увидев Анну, она встала.

— Кирилл никого не убивал, — сказала она. — Деньги Виктору Петровичу мы бы отдали.

— Мама, — тихо произнёс Савин.

— Он помог, когда больница место тянула. Не под проценты. Мы по десять тысяч отдавали, потом у меня лекарства дорогие начались.

Котов попросил женщину подождать в холле. Она не хотела уходить, пока Савин не пообещал позвонить после разговора.

Когда дверь закрылась, консьерж посмотрел на Анну.

— Теперь весь дом знает. Денис написал сумму.

— Сумму ему сообщили не мы, — сказал Котов.

— Какая разница? Мать сегодня не вышла в магазин. Говорит, соседи смотрят.

— Разница есть. Мы выясняем, кто передаёт данные, и отдельно проверяем ваши слова.

Савин усмехнулся.

— Проверяйте. Работу я всё равно потерял. Тихонов уже прислал замену.

Анна положила перед ним распечатку временных шкал.

— Вы сказали, что вышли в 02:05 и вернулись в 02:12. По точным отметкам сообщение пришло в 02:04, а шлагбаум открыли в 02:11:28. Это не воспоминание. Вы взяли время из телефона и журнала.

— Я же говорил: посмотрел потом.

— Утром говорили, что вспомнили. Сейчас — что посмотрели. Нам нужны не красивые семь минут, а ваши действия по порядку.

Савин потёр ладонью щёку.

— Увидел сообщение. Понял, что Виктор Петрович может спуститься и спросить при всех. Вышел через служебную дверь. Закурил. Вернулся, когда на рабочем экране замигал вызов.

— Экран из-под навеса не виден, — сказал Котов.

Савин замер.

— Звук услышал.

— Через две двери, вытяжку и контейнеры? Утром вы объясняли, что оттуда не слышно лифт.

— Лифт дальше.

— Мы проверили сигнал вызова. При закрытых дверях под навесом его не слышно.

Савин опустил глаза на распечатку.

Анна почувствовала, как Котов рядом напрягся. Вторая ложь могла быть важнее долга. Она не торопила. Иногда молчание позволяло человеку выбрать правду; иногда — придумать следующую версию. Разница становилась видна по деталям.

— Я не всё время был под навесом, — сказал Савин.

— Где ещё?

— У арки.

— Зачем?

— Хотел посмотреть, уехал ли Виктор Петрович.

— Он поднялся на шестой этаж. Почему должен был уехать через несколько минут?

Савин сжал край листа.

— Потому что он написал не только мне.

— Откуда вы знаете?

— Он сказал вечером. Что встретится с человеком и закончит вопрос по дому. Если всё получится, утром пойдёт в прокуратуру.

— С каким человеком?

— Не назвал.

— Когда говорил?

— Около одиннадцати. Подошёл к стойке, спросил, работает ли грузовой лифт. Потом сказал, чтобы я не запирал служебную дверь изнутри, если приедет фургон.

Котов наклонился к нему.

— Этого в первом протоколе нет.

— Я боялся про фургон говорить. Вдруг решат, что я помог его впустить.

— Вы помогли?

— Нет. Ворота открываются из квартиры или брелоком. Фургон мог въехать через паркинг.

— Почему пошли к арке?

— Он стоял там. Белый, без фар. Я хотел увидеть водителя.

— Увидели?

— Когда подошёл, фургон тронулся. Не ко мне — внутрь, к въезду в паркинг. За рулём был мужчина в чёрной шапке. Лица не разглядел.

— Номер?

— Грязный. Последние цифры вроде сорок семь.

Номер служебного фургона подрядчика заканчивался на сорок семь. Эта деталь могла быть настоящей памятью или сведением из домового чата, где фотографию машины уже разместили.

— Когда номер появился в чате? — спросила Анна.

Котов понял и открыл служебный планшет. Первый снимок фургона выложили днём, после осмотра базы. Савин мог видеть его до нынешнего опроса.

— Телефон сдайте, — сказал Котов.

— Вы уже копировали переписку.

— Сейчас нужно установить, читали ли вы сообщение с номером.

Савин разблокировал аппарат и отдал. Уведомления домового чата были отключены, но приложение показывало последний просмотр в 16:22. Фотография фургона появилась в 15:58.

— Значит, цифры могли запомнить отсюда, — сказал Котов.

— Мог, — признал Савин. — Не специально. Сейчас уже не понимаю, что видел ночью, а что прочитал потом.

Анна отметила эту фразу. Она звучала правдивее точных семи минут.

— Вернёмся к тому, что можно проверить, — сказала она. — Каким путём вы шли к арке?

Савин показал на плане: от навеса вдоль контейнерной площадки, через незапертую калитку, затем по дорожке между домом и трансформаторной будкой. На обратном пути он якобы услышал скутер курьера у шлагбаума, ускорился, вошёл через служебную дверь и открыл проезд.

— Сигарету куда бросили?

— В банку под навесом.

— До арки или после?

— До. Я докурил, потом пошёл.

— Обувь та же, что утром?

— Да. Ботинки в шкафчике.

Ботинки уже изъяли. На подошвах была смесь песка, соли и тёмной крошки. Если Савин дошёл до арки, состав мог совпасть с дорожкой. Это не доказывало, что он лишь смотрел на фургон, но проверяло маршрут.

— Почему вы назвали выход курением, а поход к арке скрыли? — спросила Анна.

— Потому что тело нашли возле арки. Если скажу, что ходил туда ночью, кто поверит про сигарету?

— Тело нашли у скамейки в другой стороне двора.

— Всё равно близко.

Котов перевернул план.

— В 02:11 вы открыли шлагбаум. В 02:16 человек в рабочей куртке подошёл к квартире. В 02:27 тележка вошла в грузовой лифт. Где вы находились после вызова?

— За стойкой. Курьер позвонил ещё раз, потом женщина из двести четвёртой спустилась за заказом. Можете спросить.

Женщина действительно попала на запись пассажирского лифта. Время его контроллера ещё требовало поправки, но последовательность подтверждалась: она вышла на первом этаже вскоре после открытия шлагбаума, забрала пакет у курьера и вернулась. Камера курьера на шлеме сохранила короткую запись выдачи. В стеклянной двери за его плечом отражался Савин у стойки.

— Исходник нужен, — сказал Котов. — Не ролик из приложения.

— Курьер согласен передать карту памяти утром, — ответил помощник по телефону.

Если запись была подлинной, Савин находился в холле около 02:13 и не мог одновременно быть на шестом этаже перед появлением человека в куртке. Но до движения тележки оставалось достаточно времени, чтобы он поднялся позже или помог внизу.

— После курьера кто-нибудь входил? — спросила Анна.

— Доставщик ушёл. Женщина поднялась. Потом было тихо.

— Грузовой лифт спустился с шестого на минус первый. Вы слышали?

— Нет. Я музыку включил.

— Какую?

— Радио через компьютер.

История браузера показала запуск интернет-радио в 02:14:07. Громкость на колонках установить задним числом было нельзя. Но действие снова помещало человека за стойку вскоре после вызова.

— Зачем музыка среди ночи? — спросил Котов.

— Чтобы не думать, что Виктор Петрович спустится за деньгами.

Савин произнёс это тихо, без прежней защиты. Его ложь постепенно становилась меньше: сначала точные семь минут, потом сигарета, затем путь к арке и фургон. Пока она закрывала стыд и страх перед кредитором, а не убийство. Но Анна не позволяла себе решить это окончательно.

Они вышли под навес. Буров подсвечивал бетон переносной лампой. За день площадку истоптали, но банка с окурками была изъята утром целиком. В ней нашли шесть окурков марки, которую курил Савин, и ещё два других. На одном свежем фильтре сохранился след его слюны; лаборатория могла установить принадлежность, но не минуту, когда сигарету погасили.

— Банка стоит здесь неделю, — сказал Савин. — Это ничего не докажет.

— Верно, — ответила Анна.

Он удивился, будто ожидал, что любое найденное совпадение немедленно обратят против него.

Путь к арке Анна прошла трижды. Обычным шагом — минуту двадцать секунд в одну сторону. Быстрым — пятьдесят две. У трансформаторной будки дорожка пересекала зону датчика наружного света. Управляющая компания не хранила видео, зато система учёта энергии фиксировала включение фонаря по скачку нагрузки.

Тихонов уверял, что отдельного журнала нет. Электрик нашёл его в шкафу автоматики: лампа у будки включалась в 02:07 и погасла в 02:09 по внутренним часам контроллера. Часы спешили на тридцать одну секунду. Второе включение произошло в 02:10 и длилось сорок секунд.

— Туда и обратно, — сказал Котов.

— Или два разных человека, — поправила Анна.

— Ты когда-нибудь позволишь факту быть простым?

— Когда он перестанет допускать два объяснения.

Они проверили высоту датчика и ширину зоны. Человек, идущий от навеса к арке, включал свет у первого угла. На обратном пути — у второго. Машины по проезду датчик не задевали. Собака могла, но датчик был настроен выше колена. Два включения соответствовали маршруту Савина и времени, необходимому для короткой остановки у арки.

След обуви на грязном краю дорожки сравнили с ботинками консьержа. Рисунок подошвы подходил по классу и размеру, но участок был смазан. Рядом сохранился более чёткий след крупной рабочей обуви. Он шёл от паркинга к контейнерной площадке и обрывался у сухого бетона под навесом.

— Видели кого-нибудь на обратном пути? — спросила Анна.

Савин долго смотрел на этот след.

— Нет.

— Вы снова отвечаете слишком быстро.

— Я никого не видел.

— Тогда откуда знаете, что фургон поехал именно к паркингу? От арки виден поворот, но сам спуск закрывает стена.

Савин поднял голову. За его спиной гудела вытяжка, та самая, из-за которой он якобы не слышал лифт.

— Я пошёл следом до угла, — сказал он.

— На плане вы этого не показали.

— Не дошёл до въезда. Увидел, как задние фонари исчезли вниз.

— И кого встретили?

— Никого.

Анна указала на крупный след.

— Человек пришёл от паркинга примерно тем же путём. Если вы возвращались во время второго включения фонаря, ваши маршруты могли пересечься.

Савин молчал.

Котов сделал знак патрульному отойти от двери. Теперь под навесом остались только они трое.

— Кирилл, — сказал он, — каждая новая скрытая деталь делает вашу версию хуже. Кто прошёл мимо вас?

— Я не знаю имени.

— Опишите.

— Мужчина. В рабочей куртке. Капюшон. Вышел со стороны паркинга, когда я уже был у калитки.

— Это был Чернов?

— Не знаю. Рост похож. Но лица не видел.

— Почему скрыли?

— Он сказал: «Не видел меня — и долг твой никто не узнает».

Слова повисли между ними. Впервые долг оказался не только причиной страха Савина, но и инструментом чужого давления.

— Каким образом незнакомый мужчина знал о долге? — спросила Анна.

— Значит, не незнакомый. Я голос раньше слышал, но не понял где. Он говорил тихо.

— Что было у него в руках?

— Ничего. Перчатки тёмные. На правом рукаве светлая полоса. Он шёл быстро, прихрамывал или просто поскользнулся.

— Куда пошёл?

— Через служебную дверь. Я не хотел пускать, но она не захлопнулась после меня. Он придержал.

— Значит, в 02:10 в дом вместе с вами вошёл человек в рабочей куртке?

— Да.

— А на шестом этаже камера записала похожего человека около 02:16, — сказал Котов. — Времени достаточно, чтобы дойти до лифта и подняться.

Савин закрыл лицо руками.

— Я думал, он просто рабочий. Они ходят ночью, когда жильцы не мешают.

— Рабочий, который знал о вашем долге и потребовал молчать?

— Я испугался. Виктор Петрович был жив. Я видел его раньше. Не думал, что через три часа его найдут во дворе.

Анна попросила его опустить руки.

— Повторите точные слова. Не смысл, а что услышали.

Савин закрыл глаза.

— Он сказал: «Сиди тихо, Кирилл. Не видел меня — и про долг никто не узнает». Кажется, так.

— Назвал по имени.

— Да.

— Запах, грязь, предметы, что-нибудь ещё?

— Пахло мастикой. Резко, как в техническом коридоре, когда швы закрывали. На левом плече был белый след. И он дышал тяжело, будто бежал.

— Куртка совпадала с записью?

— Похожая. Я видел только рядом и секунды две.

Теперь ложь Савина скрывала важного свидетеля, но по-прежнему не делала его убийцей. Она дала неизвестному путь в дом и шесть минут до появления на шестом этаже.

— Почему человек шёл из паркинга, если фургон только что спустился туда? — спросил Котов. — Он вышел из машины?

— Возможно.

— Один?

Савин покачал головой.

— В фургоне кто-то остался. Когда он поехал вниз, на пассажирском месте был свет от телефона. Я видел лицо сбоку, но не разглядел.

Анна посмотрела на шкалу времени. Один человек покинул фургон у паркинга, прошёл служебным входом и мог оказаться у квартиры №96. Второй остался в машине. Это объясняло, как позже можно было вывезти тело и вернуть тележку, не оставляя одного исполнителя сразу в нескольких местах. Но объяснение ещё не было доказательством.

— С этого момента никаких домашних чатов, — сказал Котов Савину. — Никаких разговоров с Денисом и управляющей компанией. Вам потребуется защита как свидетелю.

— Они решат, что я сдал убийцу.

— Вы пока не назвали убийцу.

— Для них разницы не будет.

Анна вспомнила людей у строительной базы. Савин был прав: город не ждал различий.

К полуночи показания оформили. Ботинки, телефон и одежда Савина остались среди вещественных доказательств. Его мать увезла патрульная машина к родственнице, чтобы не возвращать её в квартиру, адрес которой уже обсуждали в сети. Самого Савина разместили не дома.

В бюро Анна снова положила рядом четыре временные шкалы. Семь минут консьержа перестали быть пустым промежутком. В них поместились сообщение о долге, сигарета, путь к арке, белый фургон, два включения фонаря и человек, который вошёл через незахлопнувшуюся дверь.

Она добавила пятую шкалу — движение фургона. Его видели у арки до 02:10, а нашли у автомойки в 05:06. Между этими отметками он мог ждать в паркинге, принять груз и вывезти его через другой въезд. Нужны были данные шлагбаума, следы в кузове и маршрут по городским камерам, которые, в отличие от камер комплекса, могли работать.

Котов вернулся после звонка с автовокзала.

— Чернова забрали. Адвокат уже едет. Он утверждает, что в квартиру пришёл после звонка Арсеньева и застал его живым, но избитым. Помог вынести, потому что ему угрожали делом о подмене плит.

— Кто угрожал?

— До адвоката не скажет.

— А Савина он встретил?

— Говорит, через служебный вход не ходил.

Две версии столкнулись в одном узком тамбуре. Савин видел человека, похожего на Чернова. Чернов отрицал путь. У одного был долг, у другого — поддельные акты. Оба имели причину лгать, и ни одна причина сама по себе не отвечала на вопрос об убийстве.

Анна провела линию от 02:10 к 02:16.

— Тогда начинаем не с их слов, — сказала она. — Начинаем с мастики на рукаве, следа у паркинга и двери, которая не захлопнулась.

Глава 6. Камеры для договора

Утром двор «Северного» был полон людей, которые снимали неработающие камеры на работающие телефоны.

Один мужчина в домашней куртке стоял под козырьком и вёл прямую трансляцию. Женщина рядом читала вслух строку из квитанции: «Содержание системы видеонаблюдения — четыреста восемьдесят рублей». Над ними висел чёрный купол, в котором отражались снег, поднятые лица и красный огонёк телефона. Сам купол не отражал ничего для следствия. От него в серверную уходил кабель, а дальше начиналась пустота.

Анна прошла к служебному входу. После показаний Савина дверь опечатали, но жильцы всё равно подходили проверить, держится ли бумажная полоса. Им хотелось увидеть не охрану места, а признак того, что хоть одна дверь в доме теперь подчиняется правилу.

Котов ждал её в комнате совета дома. На длинном столе лежали три папки, изъятые у управляющей компании: договор с застройщиком, договор обслуживания и пачка ежемесячных актов. Рядом сидела следователь Ирина Левченко, впервые появившаяся в деле без зимнего пальто. Она была моложе Анны, коротко стрижена и говорила так, будто заранее вычёркивала из фразы всё, что нельзя приложить к материалам.

— У нас два расследования, — сказала Левченко вместо приветствия. — Смерть Арсеньева и деньги за камеры. Они пересекаются людьми и документами, но пока не доказательствами. Если смешаем, адвокат потом скажет, что Чернова назначили убийцей из-за плохих актов.

— Или Тихонова, — добавил Котов.

— Или любого, чья подпись окажется внизу страницы. Поэтому каждый лист получает свой вопрос.

Анна села напротив папок.

— Мне нужен доступ к серверной и образцы с технического этажа. Вчера Савин говорил о запахе мастики.

— Получите после осмотра, — сказала Левченко. — Но сначала камеры. Тихонов уже в пути с юристом.

Договор начинался с красивой схемы. Двадцать четыре камеры должны были видеть двор, входы, лифтовые холлы, паркинг и контейнерную площадку. Записи полагалось хранить тридцать суток. При тревоге изображение выводилось на экран консьержа, при запросе полиции управляющая компания выгружала нужный отрезок. На схеме не было слепых зон, кроме технических помещений и квартир.

Котов положил рядом фотографию стойки Савина. На месте обещанного экрана стоял обычный компьютер с домофоном, почтой и интернет-радио.

— Монитор один, — сказал он. — Входа с камер нет.

— В спецификации два, — ответила Левченко. — Второй принят по акту восемь месяцев назад.

Анна перелистнула страницы. Подпись жильцов заменяла подпись председателя совета дома. Виктор Арсеньев подписал первый акт с замечанием от руки: «Сервер не предъявлен, доступ не проверен». В копии, которую управляющая компания передала следствию накануне, замечания не было.

— Разные экземпляры? — спросила она.

Левченко показала прозрачный пакет.

— Этот нашли у него дома. Бумага и печать настоящие. На экземпляре компании свободное место внизу обрезано при сканировании. Оригинал они пока не предъявили.

— Значит, чёрная папка могла содержать такие же копии.

— Могла. Но мы не знаем, что лежало в папке в ночь смерти. Денис говорит про документы по плитам. Жильцы — про камеры. Оба могли видеть её в разные дни.

Анна задержала палец на подписи Арсеньева. Он не отказался подписывать акт целиком. Он подписал и оставил замечание, чтобы система формально не стала принятой без проверки. Потом кто-то научился показывать только верхнюю часть листа.

В комнату вошёл Борис Тихонов. Следом — женщина с кожаной папкой, представившаяся юристом управляющей компании. Тихонов выглядел так, словно не спал: ворот рубашки был застёгнут неверно, на щеке темнела полоса от маски или ладони. Он сел под камерой, установленной для записи допроса, и несколько секунд смотрел прямо в её объектив.

— Эта хоть работает? — спросил он.

— Работает, — сказала Левченко. — Вы предупреждены о записи.

Юрист положила перед ним памятку и попросила отвечать только на вопросы.

— Кто принял систему видеонаблюдения? — спросила Левченко.

— Застройщик передал оборудование управляющей компании. Техническое сопровождение выполнял подрядчик.

— Имя.

— Организация «Городские системы безопасности».

— Она прекратила работу полгода назад. Кто представлял её при приёмке?

— Директор. Фамилию не помню.

Котов подвинул договор.

— Роман Евсеев. Вчера вы говорили, что знакомы с ним десять лет.

Тихонов посмотрел на юриста.

— Я знаю многих подрядчиков. Десять лет — фигура речи.

— Когда вы узнали, что сервер не введён в работу?

— После происшествия.

Анна увидела, как он положил правую ладонь на левое запястье. Точно так же он держал себя в морге, когда уверял, что камеры «могли писать куда-то в облако». Тогда незнание было удобным. Теперь оно стало официальным ответом.

Левченко разложила акты по месяцам.

— Здесь ваша подпись под словами «система исправна, архив доступен». Каждый месяц, начиная с марта.

— Я подписывал общий акт обслуживания дома. Там сотни позиций. Лифты, насосы, домофоны.

— В июне видеонаблюдение вынесено отдельной строкой.

— Бухгалтерская форма.

— В августе вы ответили жильцу, что запись с камеры у второго подъезда не сохранилась из-за превышения срока хранения. Как мог закончиться срок хранения у записи, которой не было?

Тихонов взял лист. Внизу стояла его электронная подпись.

— Ответ готовила диспетчерская. Я мог подписать пакет.

— В сентябре Арсеньев потребовал показать сервер. Вы назначили осмотр, потом отменили его из-за аварии. Какая была авария?

— Протечка в шестом подъезде.

— В доме четыре подъезда.

Юрист подняла руку.

— Мой доверитель не обязан помнить техническую описку в переписке двухмесячной давности.

— Не обязан, — согласилась Левченко. — Поэтому мы изымаем исходные письма и журнал заявок.

Она не повысила голоса. Тихонов же заговорил быстрее.

— Вы хотите сделать из хозяйственного спора убийство. Да, ввод системы затянули. Да, жители платили. Деньги оставались на счёте дома, их не украли.

— Мы этого не утверждали, — сказала Левченко. — Почему вы решили, что вопрос о хищении?

— Потому что за дверью толпа кричит именно это.

За стеной действительно скандировали: «Верните деньги». Слова проходили сквозь бетон глухими ударами.

Анна открыла приложение к договору.

— Здесь сказано, что сервер установлен в комнате Б-17. Где она?

— На минус первом этаже.

— Вчера вы назвали серверной помещение рядом с диспетчерской на первом.

— Там стойка связи. Б-17 — архив.

— Покажете обе.

Тихонов впервые посмотрел на неё прямо.

— Вы судебный медик. При чём здесь сервер?

— При том, что отсутствие записи стало частью картины смерти. Мне нужно знать, существовала ли она и могла ли исчезнуть после ночи.

— Не существовала. Вы сами это сказали.

— Я сказала, что сервер не был введён в работу. Это не то же самое, что уничтоженная запись. Разницу сейчас и проверим.

В стойке связи на первом этаже стояли коммутаторы, от которых кабели расходились по подъездам. Маленькие лампы мигали зелёным. Сетевой инженер экспертного отдела, Захар Белецкий, пронумеровал провода и начал проверять соединения. Камеры отвечали на запросы. У каждой был адрес, заводской номер и внутренние часы. Некоторые показывали текущее изображение в служебном окне ноутбука: пустой двор, лифтовой холл, въезд в паркинг.

Жильцы, увидев на экране собственные лица, заговорили одновременно.

— Значит, они всё-таки снимали!

— Почему тогда нет ночи?

— Там же красная точка!

Белецкий закрыл дверь и попросил Котова оставить внутри только понятых.

— Камера видит сейчас, — объяснил он. — Это ещё не означает, что изображение куда-то записывается. Как телефон с открытой камерой: картинка на экране есть, но файл не появится, пока не нажать запись.

Анна запомнила сравнение. В нём не было ни облака, ни архива, ни других удобных слов, за которыми пряталось простое отсутствие файла.

— Могли подключить регистратор на одну ночь, а потом убрать? — спросила она.

— Теоретически. Проверим журналы коммутатора, если их не очистили. Но сами камеры хранят мало служебных сведений и не хранят видео. У двух есть карты памяти, заводские, на шестнадцать гигабайт. Они выключены в настройках.

Он показал пломбу на дверце стойки. Проволока была цела, номер совпадал с журналом утреннего осмотра. На пыльной полке оставался прямоугольный чистый след.

— Здесь что-то стояло, — сказал Котов.

Тихонов ответил из коридора:

— Резервный блок питания. Его сняли в прошлом месяце на замену.

— Накладная есть?

— Должна быть.

Чистый след был шириной с ладонь и длиннее обычного блока питания. Белецкий измерил его, сфотографировал и взял пыль с краёв. Разъёмы рядом не имели свежих потёртостей. Если устройство сняли недавно, оно либо не было подключено, либо стояло отдельно.

Помещение Б-17 оказалось кладовой между паркингом и техническим коридором. На двери висела новая табличка «АРХИВ», прикрученная поверх более старых отверстий. За дверью стояли банки краски, мешки смеси и две пустые металлические стойки. На полу лежала коробка от видеорегистратора.

Белецкий надел перчатки и поднял её.

— Модель подходит по спецификации. Серийный номер напечатан.

— А устройство? — спросила Левченко.

Тихонов молчал.

Юрист сказала, что управляющая компания готова провести внутреннюю проверку.

— Проверка уже идёт, — ответила Левченко.

На коробке стояла дата поставки — девять месяцев назад. Внутри сохранились пенопласт, инструкция и пакет с крепёжными винтами. Пакет не вскрывали. Если регистратор и доставляли в этой коробке, в стойку его не устанавливали.

— Где оборудование? — спросил Котов.

— Подрядчик мог забрать для настройки, — сказал Тихонов.

— Когда?

— Не помню.

— До или после актов, которые вы подписывали восемь месяцев?

— Я не технический специалист.

Анна прошла вдоль стены. Под потолком шёл широкий серый шов. Его заделали мастикой; в одном месте поверхность была свежей и блестела сильнее. Запах здесь стоял тот самый, который Савин описал под навесом: резкий, сладковатый, с горечью растворителя.

— Этим материалом работали недавно? — спросила она.

Тихонов пожал плечами.

Котов позвал техника подрядчика, которого нашли в диспетчерской. Тот посмотрел на шов и сказал, что заделывал проход кабеля три дня назад. Банка мастики стояла за мешками. На крышке читалась марка и номер партии.

— Кто дал задание? — спросила Левченко.

— Максим Чернов. Сказал, пожарные придут, дырку надо закрыть.

— Чернов сам был здесь?

— Заходил вечером, проверял. Куртку на банку уронил, ругался. Я оттёр вроде.

Анна присела у банки. На чёрном краю крышки засохла белая строительная пыль, а рядом прилипла короткая тёмно-синяя нить. Такие нити могли быть на тысячах рабочих курток. Но мастика, пыль и нить теперь находились вместе в помещении, откуда человек мог выйти к паркингу и служебной двери.

— Не открывать, — сказала она. — Банку целиком в упаковку. Отдельно смыв с шва и образец из закрытого запаса, если есть.

— Хотите сравнить с рукавом человека Савина? — спросил Котов.

— Сначала с куртками подрядчика и следами из квартиры. Запах свидетель не опознает как прибор. Он дал направление, не результат.

Техник переминался у двери.

— Я ничего плохого не делал. Дырку заделал.

— Кто имел ключ от Б-17? — спросила Левченко.

— Тихонов, Чернов, я. Ещё у охраны общий комплект.

— У Савина?

— В запечатанном шкафчике за стойкой.

Котов достал телефон и попросил проверить фотографию ключей, изъятых у подрядчика. На связке Чернова висел плоский ключ с выбитым номером Б-17. Такой же номер стоял на обороте дверной таблички.

Совпадение объясняло доступ, но не время. Анна мысленно поставила его рядом с другими осторожными фактами: Чернов знал помещение, его куртка касалась банки, его ключ подходил к двери. Ни один не говорил, что именно он вошёл вслед за Савиным или ударил Арсеньева.

В дальнем углу кладовой Белецкий нашёл небольшой маршрутизатор. Он лежал на коробке из-под плит, был включён в розетку и соединён кабелем с настенной розеткой. На корпусе горел один зелёный огонёк.

— Это что? — спросил Котов.

— Удалённый доступ для наладчика, — ответил техник. — Чтобы не ездить каждый раз.

— К чему доступ, если регистратора нет?

Техник открыл рот и закрыл.

Белецкий записал модель и отключил устройство только после фотографирования. Внутри могла сохраниться история соединений. Её должны были извлекать в лаборатории, не включая аппарат заново.

— Ночью через него могли видеть камеры? — спросила Анна.

— Если камеры были доступны из этой сети — да, в реальном времени. Запись всё равно нужно было вести на другом устройстве. Например, на компьютере вне дома.

— Значит, фраза «записи нет» пока не равна «никто не видел».

— Именно. Но не обещайте себе слишком много. История подключений покажет адреса и время, если журнал сохранился. Она не покажет, кто сидел за чужим компьютером.

Тихонов побледнел заметнее, чем при разговоре о деньгах.

Левченко это увидела.

— Кто знал пароль удалённого доступа?

— Подрядчик, — ответил он.

— Вы?

— Мне присылали. Я не пользовался.

— Арсеньев?

— Нет.

— Роман Евсеев?

Тихонов медленно кивнул.

— Наверное. Его компания настраивала.

Левченко попросила назвать адрес Евсеева. Тихонов сказал, что тот уехал из города. Котов проверил базы и обнаружил, что директор закрытой фирмы зарегистрирован в квартире сестры Тихонова. Совпадение родства Тихонов объяснил сразу: Евсеев был её бывшим мужем.

— Фигура речи длиной в десять лет, — сказал Котов.

Юрист потребовала перерыв.

Пока они оформляли изъятие, Анна вышла в паркинг. От Б-17 до места, где крупный след обуви уходил к служебному входу, можно было дойти меньше чем за минуту. У стены тянулась белая полоса от колёс. В углу стояли мешки с реагентом для закрытого въезда — светлым, мелким, не похожим на крупную соль во дворе. Такой же светлый налёт Анна видела на подошве Арсеньева.

Она не стала брать пробу сама. Позвала Бурова, показала границы и проследила, чтобы он упаковал отдельно реагент из закрытого мешка, с пола у ворот и с дорожки снаружи. Смешанные образцы дали бы удобное совпадение и бесполезный вывод.

Денис ждал у выезда. Он держал телефон, но не снимал.

— Они брали деньги, — сказал он. — Отец восемь месяцев писал жалобы. Теперь хотя бы понятно, зачем его убили.

— Нет, — ответила Анна. — Понятно только, что система не работала так, как обещали, и документы это скрывали.

— Вы нашли коробку без сервера. Мало?

— Для спора о камерах — много. Для ответа, кто ударил вашего отца, — недостаточно.

— У Тихонова был мотив.

— Мотив не переносит тело, не оставляет след на одежде и не помещает человека в нужную минуту в нужную дверь.

Денис сжал телефон.

— Вы всё время защищаете их точностью.

— Я защищаю точностью человека, которого вы назовёте следующим. Если он виновен, точность ему не поможет. Если нет — ваша уверенность не должна его сломать.

— Пока вы различаете слова, они успеют договориться.

— Поэтому вы не публикуете то, что увидели здесь. Маршрутизатор, пароль и родство Евсеева пока известны ограниченному кругу. Если это появится в чате, человек, который пользовался доступом, успеет уничтожить свой компьютер.

Он посмотрел на двери Б-17.

— Отец бы опубликовал.

— Ваш отец оставлял замечания в актах и собирал образцы. Он хотел доказать, а не просто первым сказать.

Денис отвернулся. Анна не знала, убедила ли его или только дала новую фразу для спора.

К вечеру документы разделили на два опечатанных ящика. В одном лежали платежи, акты и переписка по видеонаблюдению. В другом — всё, что могло относиться к ночи смерти: журналы доступа, ключи, маршрутизатор, образцы мастики и записи допросов. Копии пересекались, оригиналы — нет. Левченко добивалась именно этого: финансовый скандал мог объяснить конфликт, но не должен был проглотить убийство.

Белецкий позвонил уже из лаборатории.

— Быстрый просмотр без изменения памяти, — сказал он. — Маршрутизатор соединялся с внешним адресом каждую ночь. Обычно на минуту, автоматическая проверка. В ночь смерти был сеанс с 01:48 до 02:36.

Анна включила громкую связь.

— Передавалось видео?

— Объём большой, похоже на несколько потоков. Точно скажу после исследования. Внешний адрес принадлежит домашнему провайдеру в городе. Запрашивайте абонента срочно, журналы у них хранятся недолго.

— Можно установить, какие камеры открывали?

— Если в устройстве остался подробный журнал. Пока вижу только общий обмен.

Левченко уже писала ходатайство.

Котов провёл пальцем по временной шкале. В 01:48 Арсеньев ещё не появился у квартиры №96. В 01:56 его записал глазок. В 02:10 неизвестный вошёл через служебную дверь. В 02:18 человек в рабочей куртке оказался на шестом этаже. В 02:27 грузовой лифт пошёл вниз. Сеанс удалённого наблюдения закончился в 02:36.

— Кто-то мог смотреть весь отрезок, — сказал он.

— Или записывать его, — ответила Анна.

— Тогда запись всё-таки существует.

— Возможно, существовала. Пока у нас только объём переданных данных.

Котов усмехнулся без веселья.

— Ты даже надежду выдаёшь по чайной ложке.

— Иначе она становится версией, которую потом жалко исправлять.

Из лаборатории пришла фотография нижней стороны маршрутизатора. На наклейке от руки были написаны адрес и пароль. Последние четыре знака пароля совпадали с номером квартиры сестры Тихонова. Но сам адрес, к которому подключалось устройство в ночь смерти, находился в другом доме — через две улицы от базы подрядчика.

Левченко отправила группу по месту подключения и отдельно — к Евсееву. Тихонова не отпустили: его объяснения о работающей системе, несуществующей аварии и бывшем родственнике требовали нового допроса.

Анна осталась у стола с двумя ящиками. За окном жильцы всё ещё снимали камеры. Теперь она знала: купола не писали в домашний архив, но их изображение уходило наружу именно тогда, когда Арсеньев вошёл в дом и перестал отвечать на звонки.

Ни одна камера не сохранила ночь там, где обязана была хранить её по договору. Возможно, кто-то сохранил её для себя.

И если этот человек смотрел в реальном времени, он видел не только преступление. Он видел, когда можно было спуститься за телом.

Глава 7. Ключ-карта без двери

Ключ-карту Арсеньева нашли не в кармане, а под подкладкой сумки.

Сумка лежала в его квартире на стуле у двери. Денис передал её вместе с часами, но при первом осмотре внутри были только блокнот, очки и запасные перчатки. Узкая пластиковая карта застряла в разошедшемся шве бокового кармана. На ней не было имени — только номер 0417 и эмблема «Северного двора».

— Отец терпеть не мог эти карточки, — сказал Денис. — Говорил, что ключ надёжнее.

— От чего она? — спросил Котов.

— От паркинга. У него не было машины, но карта была у каждого собственника. На собрания ходил через нижний вход, чтобы проверить доводчик и пожарные двери.

Анна посмотрела на разошедшийся шов. Карта могла провалиться туда месяц назад. Её положение ничего не говорило о ночи смерти. Зато номер можно было сравнить с журналом въезда.

Система паркинга сохранила событие в 01:43: карта 0417 открыла калитку со стороны двора. Второе событие появилось в 03:18 — той же картой открыли шлагбаум на выезд. Между ними не было ни имени, ни фотографии, ни записи с камеры. Только номер, направление и часы контроллера, которые спешили на две минуты сорок секунд.

— В 01:40 по общей шкале Арсеньев вошёл в паркинг, — сказал молодой оперативник, распечатавший журнал.

— Карта вошла, — поправила Анна.

— Она была у него.

— Сейчас она в сумке, которую нашли в квартире. Мы не знаем, когда карта туда попала и кто держал её ночью.

Оперативник нахмурился, будто точность лишала его уже готового маршрута.

Котов взял распечатку.

— А выезд в 03:15? Если карта вернулась в квартиру, кто открыл ею шлагбаум?

— Для автомобильного шлагбаума обычно нужен другой брелок, — сказал Денис.

— Здесь один номер прошёл как универсальный доступ, — ответил Котов.

Денис побледнел.

— Отец добился, чтобы ему дали такую карту. Хотел проверять все входы после жалоб жильцов.

— Кто знал?

— Совет дома. Тихонов. Савин. Наверное, подрядчики.

Анна попросила не продолжать список по памяти. Им нужны были документы выдачи и реальные права карты, а не круг людей, которые «наверное» могли знать.

В бюро доступа их встретила бухгалтер управляющей компании Светлана Рудина. Её рабочее место находилось в бывшей кладовой на первом этаже. На стене висели прозрачные карманы с чистыми пропусками, на столе стоял считыватель, похожий на плоскую серую мышь.

Рудина открыла программу и ввела номер 0417. На экране появилась строка: «Арсеньев В. П. — совет дома — расширенный доступ». Ниже перечислялись калитка двора, паркинг, шлагбаумы, входы в подъезды и помещение совета.

— Технические двери? — спросил Котов.

— Нет. Б-17 и демонстрационные квартиры механические. У них обычные ключи.

— Почему в журнале написано, что карта открыла шлагбаум на выезд?

— У неё расширенный доступ. Он просил проверять ночную охрану.

— Кто создал права?

Рудина щёлкнула по истории. Учётная запись называлась ADMIN2.

— Это Тихонов или инженер Евсеев. У них был общий запасной вход.

— Общий пароль?

— Раньше был. Потом должны были разделить.

— Разделили?

Она отвела глаза.

Программа показывала не только события карты, но и изменения. За два дня до смерти права 0417 открыли заново после месячной блокировки. Причина блокировки стояла короткая: «утрата». Разблокировка прошла под ADMIN2 в 18:06.

— Отец терял карту? — спросил Котов у Дениса.

— В октябре. Потом нашёл в старой куртке.

— Сообщил, что нашёл?

— Наверное. Я не знаю.

Рудина достала журнал заявлений. Арсеньев написал об утрате пятого октября. Новую карту ему не выдавали: он отказался платить за замену, пока управляющая компания не объяснит, почему старую нельзя отключить навсегда. Заявления о находке не было.

— Кто разблокировал? — спросила Анна.

— Я не помню, — сказала Рудина. — Тихонов мог попросить по телефону.

— Восемнадцать ноль шесть. Вы были на работе?

Она открыла календарь и кивнула.

— До семи.

— ADMIN2 доступен с вашего компьютера?

— С любого в служебной сети, если знать пароль.

Белецкий, приглашённый к осмотру, попросил всех отойти от клавиатуры. Он снял образ диска, записал сетевые настройки и проверил журнал входов. Разблокировку сделали с компьютера стойки консьержа.

— Савин? — спросил Денис.

— Компьютер не равен человеку, — сказала Анна.

— Он сидит за стойкой.

— В его смену за стойкой бывают курьеры, жильцы, управляющий, уборщица и сменщик. Нужны расписание и другие действия в ту минуту.

Рудина нашла график. Два дня назад дежурила Ольга Крайнова, сменщица Савина. В 18:06 она принимала посылки у грузового входа — это подтверждали подписи жильцов. Тихонов находился в доме на собрании. Чернов устранял замечания в квартире №96. Евсеев, по словам Тихонова, давно не появлялся.

— И пароль знали все трое, — сказал Котов.

— Четверо, — тихо поправила Рудина. — Арсеньев тоже.

Денис повернулся к ней.

— Зачем отцу пароль управляющей компании?

— Он подсмотрел или ему дали. Однажды пришёл и показал, что любой может открыть старую карту. Кричал, что это дыра в безопасности.

— Когда?

— Месяца два назад.

— Вы сменили пароль?

— Евсеев сказал, что сменит после обновления программы.

Обновления не было. Пароль оставался тем же и совпадал с написанным на маршрутизаторе из Б-17.

Левченко, получив сообщение, велела изъять компьютер и все чистые карты. Жильцам должны были оставить доступ через домофоны до замены системы. Тихонов протестовал по телефону, потом прислал юриста, но к тому времени каждую карту уже пересчитали.

Одной не хватало.

По накладной управляющая компания получила пятьсот заготовок. Выдали четыреста семьдесят две, испортили одиннадцать, в прозрачных карманах лежали шестнадцать. Одна карта исчезла. Номер на ней мог быть любым: чистую заготовку записывали в систему при выдаче.

— Можно сделать копию 0417? — спросил Котов.

Белецкий положил карту Арсеньева на считыватель, не изменяя её содержимого.

— Эта система старая. Идентификатор копируется дешёвым устройством. Программа увидит два одинаковых номера и не отличит оригинал от двойника.

— Значит, карта в сумке не мешает тому, что ею открыли шлагбаум.

— Не мешает. Но копию ещё надо доказать. Потерянная заготовка сама по себе не копия.

Анна повернула карту под лампой. На гладкой поверхности были мелкие царапины и потёртый угол. Если её клонировали бесконтактно, следов не останется. Если использовали настольный считыватель, тоже. Вещь могла быть одновременно подлинной и бесполезной для установления владельца.

Они спустились в паркинг, чтобы пройти маршрут карты. Калитка со стороны двора открывалась электронным замком. Контроллер стоял в металлическом ящике над дверью и записывал каждый успешный проход. За калиткой начинался коридор с серыми стенами. В двадцати метрах он разделялся: налево — машиноместа, направо — технические помещения и грузовой лифт.

На двери к демонстрационной квартире не было ни считывателя, ни провода. Обычный цилиндр, потёртая ручка и табличка «Служебный проход».

— По плану здесь должен быть электронный замок, — сказал Котов.

Техник управляющей компании пожал плечами.

— Не поставили. Кабель не дотянули. Временный цилиндр так и остался.

— Сколько ключей?

— Пять по акту.

— Где они?

— Один у Тихонова, один у Чернова, один у отдела продаж, один в аварийном шкафу. Пятый… должен быть у застройщика.

— «Должен быть» — не место.

Техник развёл руками.

Котов открыл дверь ключом с изъятой связки Чернова. За ней была лестница, выводившая к коридору шестого этажа рядом с квартирой №96. Человек мог приложить карту у калитки в паркинг, пройти через механическую дверь и подняться, не оставив ни одного нового цифрового события.

Оперативник снова посмотрел на распечатку.

— Тогда 01:40 — Арсеньев вошёл, а в 01:56 попал на глазок у квартиры. Шестнадцать минут. Сходится.

— Сходится по времени, — сказала Анна. — Но карта всё ещё не человек.

Они прошли путь обычным шагом. От калитки до шестого этажа потребовалось шесть минут сорок секунд. Даже с остановкой у Б-17 и разговором оставался запас. Арсеньев мог осматривать помещение, встречаться с кем-то в паркинге или ждать у двери. Он мог также пройти через главный подъезд, а карту приложил другой человек.

На третьем пролёте Анна заметила тонкую белую полосу на перилах. Буров осветил её сбоку. Полоса состояла из двух слоёв: старой краски и свежего матового налёта. Он взял микрочастицы отдельно, не касаясь металла.

На площадке шестого этажа сохранилась царапина от тележки. Она шла от служебной двери к квартире №96. Обратный след был шире и прерывался у порога грузового лифта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.